

ISBN 978-5-4373-0117-3

9 785437 301173

**ПАМЯТНИК
ПУШКИНУ -
РУССКИЙ НАРОД**

К 220-летию А.С. Пушкина

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ – РУССКИЙ НАРОД

Составитель Л.Г. Баранова

При поддержке
Коммунистической партии Российской Федерации
и Общероссийского общественного движения
по возрождению традиций народов России
«Всероссийское созидательное движение «Русский Лад»

Псков
2019

ББК $\frac{84(2=411.2)52}{\text{П159}}$

Составитель **Лариса Георгиевна Баранова**

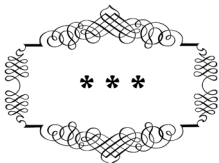
П159 **Памятник Пушкину – русский народ** / сост. Л.Г. Баранова. –
Псков, 2019. – 152 с.

ISBN 978-5-4373-0117-3

ISBN 978-5-4373-0117-3

© Л.Г. Баранова, составление, 2019
© ООО-фирма «Псковское возрождение»,
оформление, 2019

Памятник Пушкину – Русский Народ,
Нерукотворный, нетленный,
Что подпирает сверкающий свод
Божьего храма вселенной.

К этому храму идут, не спеша,
Дети и ветхие старцы...
Вот где хранится загадка-душа,
Как в драгоценнейшем ларце.

Не зарастает к поэту тропа.
Не иссякают молитвы.
Вечно понятия «Поэт» и «толпа»
В слове Отечество слиты.

Нашу глубинную силу хранит
И родовую основу
Неугасаемой веры родник –
Пушкина вещее слово.

Здесь получал от ворот поворот
Ворог надменный и дерзкий...
Памятник Пушкину – Русский Народ,
Храм нерушимый вселенский.

«Разве не повеселел бы часто грустивший Пушкин, если бы узнал, что смысл его поэзии – универсальная, мудрая и мужественная человечность – совпадает с целью социализма, осуществлённого на его же, Пушкина, родине. Он, мечтавший о повторении явления Петра, «строителя чудотворного», что бы он почувствовал теперь, когда вся петровская строительная программа выполняется каждый месяц (считая программу, конечно, чисто производственно – в тоннах, кубометрах, в штуках, в рублях: в в ценностном и в количественном выражении)... Живи Пушкин теперь, его творчество стало бы источником всемирного социалистического воодушевления...

Да здравствует Пушкин – наш товарищ!»

Из статьи Андрея Платонова
«Пушкин – наш товарищ», 1937 год

ВЕЛИЧИЕ СТАЛИНСКИХ ПЯТИЛЕТОК

Об экономических, технических, научных и культурных достижениях СССР убедительно говорят цифры. Они содержатся во многих документах и в статистических сборниках советского времени, которые, не в пример нынешней официальной статистике, основывались на серьёзном и глубоком анализе и постоянно сверялись с документами институтов Организации Объединённых Наций. В отличие от наших политических противников-антисоветчиков, не гнушающихся лживыми домыслами и подтасовками, мы постоянно обращаемся к документам, к реальным цифрам и фактам. Нам важно сохранять и передавать из поколения в поколение правду о величественной советской эпохе. **Именно поэтому мы неоднократно переиздавали брошюру «Эпоха Сталина: цифры, факты, выводы», которая была впервые издана к 130-летию со дня рождения выдающегося руководителя Советского государства.** В ней, главным образом, освещены достижения Советской страны за первые 23 года ее существования – с 1917-го по 1941-го. Считаю необходимым еще раз напомнить о свершениях того времени. И прежде всего – о довоенных сталинских пятилетках, занявших в общей сложности 12 лет.

Как известно, 3-я советская пятилетка была прервана войной. Теперь многие пропагандисты-антисоветчики называют эту пятилетку «невыполненной», не стыдясь того,

что такая характеристика звучит откровенно кощунственно, если вспомнить, что помешало довести 3-ю пятилетку до конца в установленный срок. Между тем накануне войны советская экономика демонстрировала поистине выдающиеся результаты.

В 1940-м – в последнем предвоенном году – валовой общественный продукт СССР вырос в 4,5 раза – на 450% – по сравнению с 1928 годом, когда началась первая пятилетка. Среднегодовой рост валового общественного продукта составлял в этот период 12–15%.

Основные производственные фонды СССР увеличились за те же 12 лет в 2,4 раза. Обеспечено это было в первую очередь ростом капитальных вложений, или инвестиций, как принято теперь говорить. Они за тот же период выросли в СССР в 6,7 раза. Следовательно, **среднегодовые темпы роста капитальных вложений достигали в то время 15–20%.**

Таких темпов роста до этого не знала ни одна страна в мире. И ни одна страна в мире не смогла достичь их и впоследствии. Какими же жалкими на фоне этих советских показателей выглядят сегодняшние официальные отчёты о якобы намечившемся росте российской экономики, не выходящем за пределы статистической погрешности! Такой «рост» является безусловным свидетельством стагнации и в очередной раз доказывает, что навязанная нашей стране социально-экономическая система несовместима с успешным развитием.

Пропорционально капитальным вложениям росло в Советском Союзе и производство промышленной продукции – в 6,4 раза за тот же 12-летний период. А это значит, что капитальные вложения с лихвой окупались, принося отдачу в виде необходимой стране продукции. Численность рабочих за эти годы выросла в СССР втрое. Одновремен-

но наблюдался и внушительный рост производительности труда.

На отсутствие такого роста в сегодняшней России постоянно сетуют и крупные собственники, и представители власти. Но вину они при этом возлагают исключительно на народ, который якобы не желает работать как следует. И упорно молчат о том, что система, основанная на эксплуатации и пронизанная коррупцией, **система, потворствующая фантастическому обогащению олигархов на фоне массового обнищания граждан, более 20 миллионов которых даже официальная статистика признает нищими, в принципе не может стимулировать рост производительности труда.** Крупные собственники не желают инвестировать средства в технологическое обновление производства, а власть, подчинённая олигархическому капиталу, не способна заставить их этим заняться. Труд большинства российских граждан явно недооценен, миллионы людей получают зарплату, которую не назовёшь иначе как жалкой подачкой. И при этом видят, как доходы, которые создаются их трудом, утекают в карманы нуворишей, паразитирующих на российских ресурсах и ничего не вкладывающих в развитие страны. **Что же может заставить работать больше и лучше человека, который, по сути, чувствует себя рабом на олигархическом «рынке труда»? Рабом тех, кто ведут себя по отношению к России как оккупанты и колонизаторы.**

Между тем советские трудящиеся видели, что власть работает и о повышении уровня их жизни, и о модернизации производства, на которую направлялись гигантские финансовые средства. **Советский человек осознавал, что работает не ради собственника-эксплуататора, и не ради того, чтобы обеспечить себе элементарное физическое выживание, а ради своей страны, ради собственного благополучия и**

благополучия своей семьи. Он знал, что его труд уважаем, почитен – независимо от того, на каком месте он трудится. Это укрепляло не только его энтузиазм, но и его патриотические чувства. Его убежденность в том, что он живет в обществе, которому стоит отдавать свои силы. Живёт в стране, вдохновлённой идеей, ради которой хочется упорно трудиться. Всё это стимулировало в советские годы впечатляющий рост производительности труда, на который не может рассчитывать сегодняшняя Россия.

За 12 довоенных лет в СССР было построено 9 тысяч промышленных объектов. В среднем за год в строй вводилось более 600 предприятий. И это были не те микроскопические предприятия, на каких сегодня в антисанитарных условиях производят свои кустарные товары низкоквалифицированные работники, приехавшие в Россию из более отсталых государств. Среди предприятий, построенных в эпоху сталинских пятилеток, – гиганты металлургии, машиностроения и энергетики, огромные комбинаты по производству льняной и хлопчатобумажной продукции, фабрики, производившие шелковые и шерстяные ткани высочайшего качества. И все они в тяжкую военную годину работали на Великую Победу. Все они внесли достойный вклад в то, что стал возможным величайший подвиг в истории человечества, совершенный советским народом.

В 1940 году на территории одной только РСФСР посевные площади составляли 92 млн гектаров. А в 2016 году, согласно данным Росстата, посевные площади, включая крестьянские, фермерские и подсобные хозяйства, составляли в России только 79 млн гектаров. И лишь 55,1 млн гектаров принадлежат сельскохозяйственным организациям. Это менее 60% от посевных площадей, принадлежавших сельхозорганизациям накануне Великой Отечественной войны.

К началу войны СССР занимал первое место в Европе по основным видам природных и сырьевых ресурсов. А по некоторым из них – и первое место в мире. **В то время сырье не вывозилось за рубеж. Оно использовалось для экономического развития страны, для производства высококачественной продукции, и прежде всего металлов – чугуна и стали.** Эти металлы, превратившись в самолеты, танки и «катюши», помогли советскому солдату одержать победу над самым страшным врагом из тех, с которыми сталкивалась Россия. Эти металлы спасли нашу Родину в той страшной войне. Еще вернее будет сказать, что, **наряду с героизмом советского солдата и тружеников тыла, нашу Родину спасла мудрая и ответственная экономическая политика, спасла социально-экономическая система социализма. А разрушение этой системы загнало нашу страну в кризис, из которого она уже больше четверти века не может выбраться.**

ПРАВА, ГАРАНТИРОВАННЫЕ СОЦИАЛИЗМОМ

Успехи довоенного СССР в экономическом и социальном развитии выглядят фантастическими даже на фоне наиболее развитых капиталистических стран. Достигать этих успехов страна начала с первых советских лет. Об этом свидетельствуют не только приводимые здесь статистические данные, но и масштабные социальные изменения в советской стране. **Вдумайтесь: уже к концу 1930 года безработица в СССР была полностью ликвидирована.** И до последних дней существования Страны Советов наши граждане не сталкивались с этим страшным явлением. Более того, советский Трудовой кодекс не только закреплял право на труд, но и не позволял уволить работника без веских причин – просто по прихоти работодателя, как это сплошь и рядом происходит сегодня.

Этот кодекс гарантировал трудящимся работу по специальности, исключал возможность того, что знания, полученные человеком в вузе или в профессионально-техническом учебном заведении, окажутся обществу не нужны. А в наше время невостребованность знаний, даже самого лучшего образования на рынке труда стала привычной приметой капиталистической России.

Ещё до войны в СССР впервые в мировой истории были конституционно закреплены и экономически обеспечены на деле важнейшие права человека: на труд, на оплачиваемый отдых, на бесплатное лечение и образование, на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и утраты трудоспособности. И это обеспечение было не сугубо символическим, не нищенским, как в сегодняшней России. Оно позволяло советскому человеку достойно жить даже в том случае, если зарабатывать на жизнь самостоятельно он не был способен. Что же касается материального положения советских трудящихся, то достаточно привести такие цифры: с 1921-го по 1967 год реальные доходы советских рабочих выросли в 6,6 раза, а реальные доходы трудящихся крестьян – в 8,5 раза.

Как зарубежные, так и российские адепты капитализма, утверждающие, что отказ от социалистической системы был благом и принёс обществу «освобождение», дружно именуют важнейшими демократическими правами свободный рынок, свободные выборы и свободу слова. Но даже в развитых капиталистических государствах, не говоря уже о нынешней России, «свободный рынок» – это лишь товарная витрина, за которой кроется вопиющее социальное неравенство, высокий уровень потребления для меньшинства и крайне ограниченный – для большинства. «Свободные выборы» чаще всего являются лишь имитацией демократического процесса

с заранее predetermined результатом. Но даже когда они проходят честно, смена власти сама по себе не решает социальных и экономических проблем, порождаемых капиталистическими отношениями. И не может их решить, если новая власть основывает свою политику на тех же самых принципах. Наконец, «свобода слова» на деле жестко регулируется клановой, корпоративной и экономической цензурой, превращающей эту «свободу» в лицемерный и лживый спектакль. Часто карающей самым жестоким образом тех, кто пытается претендовать на истинную свободу слова.

Если человек лишен права не быть нищим, не быть голодным; если он лишен права на получение образования в соответствии со своими способностями, а не в соответствии с толщиной своего кошелька; если он лишен гарантии получения необходимой медицинской помощи, то какой ему толк от прочих «прав» и «свобод»? Как они могут улучшить его жизнь? Все эти «свободы» не могут сделать по-настоящему свободным общество, если ему не гарантированы такие социальные права, какими наделяла граждан советская Конституция. Эти права были тем благом, той огромной ценностью, тем завоеванием, на защиту которых весь советский народ, от мала до велика, поднялся в военные годы. Советский народ не просто защищал Родину. Он защищал такую Родину, которая дала человеку право чувствовать себя Человеком с большой буквы. Он сражался не только за свою семью, за свой дом, за свою землю, но и за великие ценности, за великие идеи справедливости, равенства и дружбы народов, силу которых советский человек почувствовал на собственном опыте. И это множило его решимость, его стойкость, его героизм.

*Главы из книги Г.А. Зюганова
«Подвиг социализма»*

В.С. НИКИТИН

<...> В литературе дело Ломоносова в борьбе с русофобией продолжил А.С. Пушкин (1799–1837 гг.). Если Ломоносов был автором русской грамматики и учебника риторики, то Пушкин стал создателем литературного русского языка и соединил воедино понятия «язык» и «народ». Он продолжил

начатое великим русским баснописцем И.А. Крыловым насыщение литературных произведений народной мудростью. Пушкин по-своему боролся с западничеством и укреплял русскомыслие. В своём цикле «Маленькие трагедии» он ярко раскрыл главные пороки западного общества: сребролюбие («Скупой рыцарь»), зависть и коварство («Моцарт и Сальери»), безнравственность и разврат («Шаги командора»). А вот в «Повестях Белкина» он показал без прикрас русский характер и его коренное отличие от западного. В повести «Выстрел» Пушкин указал, что у русскомыслящих есть черта характера, за которую они не переходят. Это черта, за которой человек становится зверем, алчущим смерти другого. Ведь мог и имел право Сильвио застрелить графа, но не застрелил, оставшись человеком.

Русофобы не простили Пушкину его приверженность к русскомыслию. Он был убит, и молодой поэт М.Ю. Лермонтов (1814–1841) в страстных строках своего стихотворения «На смерть поэта» заклеил истинных палачей «свободы, гения и славы» – русофобствующее официальное общество, толпящееся у трона. <...>

(Из книги В.С. Никитина «Русофобия и русскомыслие в судьбе России»)

ВЕНОК ПУШКИНУ

В. Жуковский

<...> Ты имеешь не дарование, а гений. Ты богач, у тебя есть неотъемлемое средство *быть выше* незаслуженного несчастья и *обратить в добро* заслуженное; ты более, нежели кто-нибудь, можешь и обязан иметь нравственное достоинство. Ты рожден быть великим поэтом: будь же этого достоин. В этой фразе вся твоя мораль, всё твоё возможное счастье и все вознаграждения. Обстоятельства жизни, счастливые или несчастливые, шелуха. Ты скажешь, что я проповедую с спокойного берега утопающему. Нет! я стою на пустом берегу, вижу в волнах силача, и знаю, что он не утонет, если употребит свою силу, и только показываю ему лучший берег, к которому он непременно доплывёт, если захочет сам. Плыви, силач! < ... > По данному мне полномочию предлагаю тебе *первое* место на русском Парнасе.

1824

К НЯНЕ А.С. ПУШКИНА

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки, –
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровой судьбой,
Презрев людей молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре камены, –
Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника поэта,
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой.
Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своеволие;
С каким радушием – красою древних лет –
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас – добра и весела –
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Свободно говорил язык словоохотной,
И легкие часы летали беззаботно!

1827

* * *

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки
И – лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард! – цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадёт,
Из искры возгорится пламя,
И просвещённый наш народ
Сберётся под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжём свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!

1827–1829

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал всё его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

Самая его жизнь совершенно русская. < .. >.

Он при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами. Если должно сказать о тех достоинствах, которые составляют принадлежность Пушкина, отличающую его от других поэтов, то они заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означить весь предмет. Его эпитет так отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание; кисть его летает. Его небольшая пьеса всегда стоит целой поэмы. Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, чтобы у него в коротенькой пьесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколь-

ко у Пушкина. < ... > Тут всё: и наслаждение, и простота, и мгновенная высота мысли, вдруг объёмлющая священным холодом вдохновения читателя. Здесь нет этого каскада красноречия, увлекающего только многословием, в котором каждая фраза потому только сильна, что соединяется с другими и оглушает падением всей массы, но если отделить её, она становится слабою и бессильною. Здесь нет красноречия, здесь одна поэзия; никакого наружного блеска, всё просто, всё прилично, всё исполнено внутреннего блеска, который раскрывается не вдруг; всё лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия. Слов немного, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт. < ... >

1835

НА ПАМЯТЬ

В края далекие, под небеса чужие –
Хотите вы с собой на память перенести
О ближних, о стране родной живую весть,
Чтоб стих мой сердцу мог, в минуты неземные,
Как верный часовой, откликнуться: Россия!
Когда беда придёт, иль просто как-нибудь
Тоской по родине занует ваша грудь,
Не ждите от меня вы радостного слова;
Под свежим трауром печального покрова,
Сложив с главы своей венок блестящих роз,
От речи радостной, от песни вдохновенной
Отвыкла муза: ей над урной драгоценной
Отныне суждено быть музой вечных слез.
Одною думою, одним событьем полный,
Когда на чуждый брег вас переносят волны,
И звуки родины должны в последний раз
Печально врезаться и отозваться в вас,
На память и в завет о прошлом в мире новом,
Я вас напутствую единым скорбным словом,
За тем что скорбь моя превыше сил моих;
И, верный памятник сердечных слез и стона,
Вам затвердит одно рыдающий мой стих:
Что яркая звезда с родного небосклона
Внезапно сорвана средь бури роковой,
Что песни лучшие поэзии родной
Внезапно замерли на лире онемелой,

Что пал во всей поре красы и славы зрелой
Наш лавр, наш вещий лавр, услада наших дней,
Который трепетом и сладкозвучным шумом
От сна воспрянувших пророческих ветвей
Вещал глагол богов на севере угрюмом,
Что навсегда умолк любимый наш поэт,
Что скорбь постигла нас, что Пушкина уж нет.

1837

ЛЕС

Посвящено памяти А.С. Пушкина

Что, дремучий лес,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?

Что, Бова-силач,
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою,

Ты стоишь – поник,
И не ратуешь
С мимолетною
Тучей-бурею.

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было,
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная...

У тебя ль, было,
Дни – роскошество, –
Друг и недруг твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было,
Поздно вечером
Грозно с бурей
Разговор пойдёт;

Распахнет она
Тучу чёрную,
Обоймёт тебя
Ветром-холодом.

Густолиственный
Твой зелёный шлем
Буйный вихрь сорвал
И развеял в прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь – поник,
И не ратуешь.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
«Вороти назад!
Держи около!»

Закружит она,
Разыграется...

Дрогнет грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшись,
Разбущуешься:
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплachtetся
Лешим, ведьмою
И несет свои
Тучи за море.

Где ж теперь твоя
Мочь зелёная?
Почернел ты весь,
Затуманился...

Одичал, замолк...
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье...

Так-то, тёмный лес,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень чёрная.

Знать, во время сна,
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули.

С богатырских плеч
Сняли голову –
Не большой горой,
А соломинкой...

1837

СМЕРТЬ ПОЭТА

Погиб поэт! – невольник чести –
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправдания?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьётся ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалика,

Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..
И он убит – и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сражённый, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок – они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него;
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он – с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:

Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда – всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он недоступен звону злата
И мысли и дела он знает наперёд.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!

1837

< ... > Пока был он жив, пока он являлся между нами, мы забывали Пушкина настоящего, и смотрели в настоящем только на Пушкина будущего. Но самое это требование целого и могущественного народа от одного человека, эта боязнь всех за одного, это общее ожидание, что поэт, новым, бурным переливом гения через скалы и утесы, удовлетворит каждой новой потребности наших умов и сердец, – вот мера гения Пушкина. К нему, и только к нему одному, относились наши требования и ожидания; только за него одного мы трепетали и боялись. Другие пели или, когда угодно, писали: но кто препятствовал им петь и писать, как им угодно и что угодно? Спокойно могут и теперь, после Пушкина, все другие петь и писать, потому что в русском поэтическом мире, кроме его одного, мы ни за кого не боимся и ни от кого ничего не надеемся.

Таково было место Пушкина-поэта в современной России. Оглянитесь кругом: нет другого Пушкина среди пятидесяти миллионов нашего славного, умного русского народа! Русская почва плодородная на великое. Пушкины являются снова; еще прекраснее будут они, посреди нас, живущих нынче – нет другого Пушкина. Это говорим мы, современники его, и это подтвердит потомство...

1837

29-е ЯНВАРЯ 1837

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он высшею рукою
В *цареубийцы* заклеимён.

Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощённая со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
Назло людскому суесловью,
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной кровью.

И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил –
И осенённый опочил
Хоругвью гордости народной.

Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет...

1837

* * *

Поэтической дружины
Смелый вождь и исполин!
С детства твой полет орлиный
Достигал крутых вершин.

Помню я младую братью,
Милый цвет грядущих дней:
Отрок с огненной печатью,
С тайным заревом лучей

Вдохновенья и призванья
На пророческом челе,
Полном думы и мечтанья,
Крыльев наших на земле,

Вещий отрок, отрок славы,
Отделившись от других,
Хладно смотрит на забавы
Шумных сверстников своих.

Но гроза зажжёт ли блеском
Почерневший неба свод,
Волны ль однозвучным плеском
Пробудятся в лоне вод;

Ветром тронутый, тоскуя,
Запоёт ли тёмный лес,

Как Мемнонова статуя
Под златым лучом небес;

За ветвистою палаткой
Соловей ли в тьме ночной,
С свежей негой, с грустью сладкой,
Наливает говор свой;

Взор красавицы ль случайно
Нежно проскользнёт на нём,—
Сердце разгорится тайно
Преждевременным огнём;

Чуткий отрок затрепещет,
Молча сердце даст ответ,
И в младых глазах заблещет
Поэтический рассвет.

Там, где царскосельских сеней
Сумрак манит в знойный день,
Где над роем славных теней
Вьется царственная тень;

Где владычица полмира
И владычица сердец,
Притаив на лоне мира
Ослепительный венец,

Отрешась от пышной скуки
И тщеславья не любя,
Ум, искусства и науки
Утощала у себя;

Где являлась не царицей
Пред восторженным певцом,
А бессмертною Фелицей
И державным мудрецом;

Где в местах, любимых ею,
Память так о ней жива
И дней славных эпопею
Внукам предаёт молва,–

Там таинственные громы,
Словно битв далеких гул,
Повторяют нам знакомый
Оклик: Чесма и Кагул.

Той эпохи величавой
Блеск еще там не потух,
И поэзией и славой
Всё питало юный дух.

Там поэт в родной стихии
Стих золотой свой закалил,
И для славы и России
Он расцвёл в избытке сил.

Век блестящий переживший,
Переживший сам себя,
Взор, от лет полуостывший, –
Славу юную любя, –

На преемнике цветущем
Старец-бард остановил,

О себе вздохнув, – в грядущем
Он певца благословил.

Брата обнял в нем Жуковский,
И с сочувствием родным,
С властью, нежностью отцовской,
Карамзин следил за ним...

Как прекрасно над тобою
Утро жизни расцвело;
Ранним лавром, взятым с бою,
Ты обвил свое чело.

Свет холодный, равнодушный
Был тобою пробуждён,
И, волшебнику послушный,
За тобой увлёкся он.

Пред тобой соблазны пели,
Уловляя в плен сетей,
И в молодой груди кипели
Страсти Африки твоей.

Ты с отвагою безумной
Устремился в быстрину, –
Жизнью бурной, жизнью шумной
Ты пробился сквозь волну.

Но души не опозорил
Бурь житейских мутный вал;
За тебя твой гений спорил
И святыню отстоял.

От паденья, жрец духовный,
Дум и творчества залог –
Пламень чистый и верховный –
Ты в душе своей сберёг.

Всё ясней, всё безмятежней
Развивался свет в тебе,
И всё строже, всё прилежней
С обольщениями в борьбе,

На таинственных скрижалях
Повесть сердца ты читал,
В радостях его, в печалях
Вдохновений ты искал.

Ты внимал живым глаголам
Поучительных веков,
Чуждый распрям и расколам...
<.....>

1853

* * *

<.....>

– Ну, а много видал сочинителей?
«День считай – не дойдешь до конца,
Чай, и счет потерял в литераторах!
Коих помню – пожалуй, скажу.
При царице, при трех императорах
К ним ходил... при четвертом хожу:
Знал Булгарина, Греча, Сенковского,
У Воейкова долго служил,
В Шепелевском сыпал у Жуковского
И у Пушкина в Царском гостил.
Походил я к Василью Андреичу,
Да гроша от него не видал,
Не чета Александру Сергеичу –
Тот частенько на водку давал.
Да зато попрекал всё цензурою:
Если красные встретит кресты,
Так и пустит в тебя корректурую:
Убирайся, мол, ты!
Глядя, как человек убивается,
Раз я молвил: сойдет-де и так! –
Это кровь, говорит, проливается,
Кровь моя – ты дурак!..»

1859

<...> Явление Пушкина есть доказательство, что дерево цивилизации уже дозрело до плодов и что плоды его не гнилые, а великолепные, золотые плоды. <...>

< ... > У нас всё ведь от Пушкина. Поворот его к народу в столь раннюю пору его деятельности до того был беспримечен и удивителен, представлял для того времени до того неожиданное новое слово, что объяснить его можно лишь если не чудом, то необычайною величиною гения, которого мы, прибавлю к слову, до сих пор еще оценить не в силах. <... >

Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с Петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание. < ... >

< ... > Вы созерцаете сами и соглашаетесь: да, это есть, стало быть, и дух народа, его создавший, есть, стало быть, и жизненная сила этого духа есть, и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека.

*В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни, –*

сказал сам поэт по другому поводу, но эти слова его можно прямо применить ко всей его национальной творческой дея-

тельности. И никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин. < ... >

Если бы жил он дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлёк бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь еще смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем.

1861, 1876, 1880

< ... > И вдруг Пушкин! Я узнал его с «Онегина», который выходил тогда периодически, отдельными главами: боже мой! Какой свет, какая волшебная даль открылась вдруг – и какие правды – и поэзии, и вообще жизни, притом современной, понятной, хлынули из этого источника, и с каким блеском, в каких звуках! Какая школа изящества, вкуса для впечатлительной натуры! < ... > Пушкин громаден, плодотворен, силен, богат. Он для русского искусства то же, что Ломоносов для русского просвещения вообще. < ... > В Пушкине кроются все семена и зачатки, из которых развились потом все роды и виды искусства во всех наших художниках. < ... >

1880, 1871, 1879

26 МАЯ 1880 ГОДА

(На открытие памятника Пушкину)

В расцвете сил, ума и вдохновенья,
С неконченною песней на устах,
Могучий сын больного поколения –
Он пал в борьбе, он был низвергнут в прах.
Орлиные его погасли очи,
Горевшие впотьмах духовной ночи,
Как мысли путеводные огни;
Замолк поэт – и гром великой славы,
Как праздный шум наскучившей забавы,
В толпе утих...

И понеслись дни.

Сменялись имена, события, лица...
То спешной, то ленивой чередой
Пред вечно изумлённою толпой
Их пёстрая влеклася вереница.
Прошедшему вершился быстрый суд
Средь похорон и празднеств новоселья;
И редко лишь сквозь шум житейских смут,
Тревог и дел, потехи и безделья
Звук имени священного порой
Вновь пролетал печально над отчизной
То с робкою, оглядчивой хвалой,
То с громкою и дерзкой укоризной!

Но светлых дум и чудных песен клад,
Бесценный клад, толпою позабытый,

В холодный склеп минувшего сокрытый, –
В нём не истлел! Годов пронёсся ряд,
Час миновал урочного отлива,
И, как на глас знакомого призыва,
В обратный бег, раскаянья полна,
Вновь понеслась народная волна!
Красы, добра и правды идеалы
Блеснули вновь, как утра чистый свет,
И помянул народ – в борьбе усталый,
Заблудший в тьме и духом обнищальный –
Что у него великий есть поэт.
И захотел народ перед собою
Его могучий образ воскресить,
Почтить певца бессмертною хвалою,
Его вознестъ высоко над толпою
И памятник ему соорудить.
Он захотел прозреть и обновиться,
Прочь отогнать печальной ночи сны,
Забытым кладом вновь обогатиться,
Его красе нетленной поклониться,
Как свету возвратившейся весны!

* * *

И день настал – исполнилось желанье:
Стоит пред нами Пушкин, как живой!
Вокруг него народа ликование
И славное гремит именованье
Его, как гром над русской землей!
А он стоит и смотрит с возвышенья
С приветом жизни, с гордостью в очах,
Как будто снова полный вдохновенья,
Как будто с песней новой на устах!

Он смотрит вдаль и видит пред собою
Сквозь многих дней таинственный туман,
Как движется пучиною живою
Грядущего безбрежный океан.
И знает он, что плещущие воды
К его стопам покорно притекут,
Что всей Руси языки и народы
Ему дань славы вечной принесут!

1880

< ... > Сокровища, дарованные нам Пушкиным, действительно велики и неоцененны. Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет всё, что может поумнеть. < ... >

Пушкиным восхищались и умнели, восхищаются и умнеют. Наша литература обязана ему своим умственным ростом. И этот рост был так велик, так быстр, что историческая последовательность в развитии литературы и общественного вкуса была как будто разрушена, и связь с прошедшим разорвана. Этот прыжок был не так заметен при жизни Пушкина; современники хотя и считали его великим поэтом, считали своим учителем, но настоящими их учителями были люди предшествовавшего поколения, с которыми они были очень крепко связаны чувством безграничного уважения и благодарности. Как ни любили они Пушкина, но все-таки в сравнении со старшими писателями, он казался им еще молод и не довольно солиден; признать его одного виновником быстрого поступательного движения русской литературы значило для них обидеть солидных и во многих отношениях весьма почтенных людей. Всё это понятно, и иначе не могло быть. Зато следующее поколение, воспитанное исключительно Пушкиным, когда сознательно оглянулось назад, увидало, что предшественники его и многие его современники для них уж даже не прошедшее, а далекое давно прошедшее. Вот когда заметно стало, что русская литература в одном человеке выросла на целое столетие. Пушкин застал русскую литературу в период её молодости, когда она еще жила чужими образцами и по ним вырабатывала формы, лишённые живого, реального содержания, – и что же? Его произведения – уже не исторические оды, не плоды досуга, уединения или меланхолии; он кончил тем, что оставил сам образцы, равные образцам литератур зрелых, образцы, совершенные

по форме и по самобытному, чисто народному содержанию. Он дал серьёзность, поднял тон и значение литературы, воспитал вкус в публике, завоевал ее и подготовил для будущих литераторов, читателей и ценителей. < ... >

Прочное начало освобождению нашей мысли положено Пушкиным, – он первый стал относиться к темам своих произведений прямо, непосредственно, он захотел быть оригинальным и был – был самим собой. Всякий великий писатель оставляет за собой школу, оставляет последователей, и Пушкин оставил школу и последователей. Что это за школа, что он дал своим последователям? Он завещал им искренность, самобытность, он завещал каждому быть самим собой, он дал всякой оригинальности смелость, дал смелость русскому писателю быть русским. Ведь это только легко сказать! Ведь это значит, что он, Пушкин, раскрыл русскую душу. Конечно, для последователей путь его труден: не всякая оригинальность настолько интересна, чтоб ей показываться и ею занимать. Но зато, если литература наша проигрывает в количестве, так выигрывает в качественном отношении. Немного наших произведений идет на оценку Европы, но и в этом немногом оригинальность русской наблюдательности, самобытный склад мысли уже замечены и оценены по достоинству. Теперь нам остается только желать, чтобы Россия производила поболее талантов, пожелать русскому уму поболее развития и простора; а путь, по которому идти талантам, указан нашим великим поэтом.

Мм. гг., я предлагаю тост за русскую литературу, которая пошла и идёт по пути, указанному Пушкиным. Выпьем весело за вечное искусство, за литературную семью Пушкина, за русских литераторов! Мы выпьем очень весело этот тост: нынче на нашей улице праздник.

1880

ПАМЯТИ ПУШКИНА

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Пушкин

*Пока надеждою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

Пушкин

Мы чтить тебя привыкли с детских лет,
И дорог нам твой образ благородный;
Ты рано смолк; но в памяти народной
Ты не умрёшь, возлюбленный поэт!

Бессмертен тот, чья муза до конца
Добру и красоте не изменяла,
Кто волновать умел людей сердца
И в них будить стремленье к идеалу;

Кто сердцем чист средь пошлости людской,
Средь лжи кто верен правде оставался
И кто берег ревниво светоч свой,
Когда на мир унылый мрак спустился.

И всё ещё горит нам светоч тот,
Всё гений твой пути нам освещает;
Чтоб духом мы не пали средь невзгод,
О красоте и правде он вещает.

Все лучшие порывы посвятить
Отчизне ты зовешь нас из могилы;
В продажный век, век лжи и грубой силы
Зовёшь добру и истине служить.

Вот почему, возлюбленный поэт,
Так дорог нам твой образ благородный;
Вот почему неизгладимый след
Тобой оставлен в памяти народной!

1880

НА ПАМЯТНИК ПУШКИНУ

В столице Пушкину любезной,
В Москве, в виду монастыря,
Поднялся ныне лик железный
Родного нам богатыря.

То Пушкин, наш поэт великий,
Задумчиво явился нам
И утешеньем и уликой
Наставшим смутным временам.

Теперь, когда стремлений злоба
Не знает, где искать добра –
Проснись, поэзия! пора,
Чтоб Пушкин выступил из гроба!

1880

<...> Будем надеяться, что всякий наш потомок, с любовью остановившийся перед изваянием Пушкина и понимающий значение этой любви, тем самым докажет, что он, подобно Пушкину, стал более русским и более образованным, более свободным человеком! Пусть это последнее слово не удивит вас, мм. гг.! В поэзии – освободительная, ибо возвышающая, нравственная сила. Будем также надеяться, что в недалеком времени даже сыновьям нашего простого народа, который теперь не читает нашего поэта, станет понятно, что значит это имя: Пушкин! – и что они повторят уже сознательно то, что нам довелось недавно слышать из бессознательно лепечущих уст: «Это памятник – учителю!»

1880

К ПАМЯТНИКУ ПУШКИНА

26 мая 1880 года

Исполнилось твоё пророческое слово;
Наш старый стыд взглянул на бронзовый твой лик,
И легче дышится, и мы дерзаем снова
Всемирно возгласить: ты гений! ты велик!

Но, зритель ангелов, глас чистого, святого,
Свободы и любви живительный родник,
Заслыша нашу речь, наш вавилонский крик,
Что в них нашёл бы ты заветного, родного?

На этом торжище, где гам и теснота,
Где здравый русский смысл примолк, как сирота, –
Всех громогласней тать, убийца и безбожник,

Кому печной горшок всех помыслов предел,
Кто плюет на алтарь, где твой огонь горел,
Толкать дерзая твой незыблемый треножник!

1880

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПУШКИНА

Его стихи читая – точно я
Переживаю некий миг чудесный –
Как будто надо мной гармонии небесной
Вдруг понеслась нежданная струя...

Нездешними мне кажутся их звуки:
Как бы, вляясь в его бессмертный стих,
Земное всё – восторги, страсти, муки –
В небесное преобразилось в них!

1887

ПОДРАЖАНИЕ ПУШКИНУ

От праздности и лжи, от суетных забав
Я одинок бежал в поля мои родные,
Я странником вступил под сень моих дубрав,
Под их навесы вековые,

И, зноем истомлен, я на пути стою
И пью лесных ветров живительную влагу...
О, возврати, мой край, мне молодость мою,
И юных блеск очей, и юную отвагу!

Ты видишь – я красоты твоей не позабыл
И, сердцем чист, твой мир благословляю...
Обетованному отеческому краю
Я приношу остаток гордых сил.

1890

ПУШКИНУ

Моя душа сходна с твоей, о Пушкин вдохновенный,
Неподражаемый поэт, единый во вселенной!

Деревья, камни, как меня, твой стих привёл в движенье.
Дарить восторг – не таково ль поэта назначенье?

Могу ли я не ликовать, твоим подвластный чарам?
Лишь тот поэт, кто жизнь творит, владея божьим даром.

Как солнце освещает мир, его моря и сушу,
Так всю, до дна, своим стихом ты озарил мне душу.

Я мудрость книг твоих постиг, познал источник сил я,
Вступил я в щедрый твой цветник, твоих плодов вкусил я.

Бродил я по садам твоим, стоял пред каждым деревом,
Внимал я соловьям твоим, бессмертным их напевам.

Нисходит в душу чистый свет, свет правды непоборной.
Да, памятник ты заслужил – живой, нерукотворный!

Стихи и повести твои влекут меня, сверкая.
Мне дела нет, что у тебя религия другая.

Моя душа сходна с твоей, но силы несравнимы.
О, как мне мощь твоя нужна, певец неповторимый!

1906

* * *

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озёрных глухих берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрёпанный том Парни.

1911

<...> Это были поэмы Пушкина. Я прочитал их все сразу, охваченный тем жадным чувством, которое испытываешь, попадая в невиданно красивое место, – всегда стремишься обежать его сразу. Так бывает после того, когда долго ходишь по моховым кочкам болотистого леса и неожиданно развернется пред тобою сухая поляна, вся в цветах и солнце. Минуту смотришь на нее очарованный, а потом счастливо обежишь всю, и каждое прикосновение ноги к мягким травам плодородной земли тихо радует.

Пушкин до того удивил меня простотой и музыкой стиха, что долгое время проза казалась мне неестественной и читать ее было неловко. Пролог к «Руслану» напоминал мне лучшие сказки бабушки, чудесно сжав их в одну, а некоторые строки изумляли меня своей чеканной правдой.

*Там, на неведомых дорожках.
Следы невиданных зверей, –*

мысленно повторял я чудесные строки и видел эти, очень знакомые мне, едва заметные тропы, видел таинственные следы, которыми примята трава, еще не стяхнувшая капля росы, тяжёлых как ртуть. Полнозвучные строки стихов запомнились удивительно легко, украшая празднично всё, о чём говорили они; это делало меня счастливым, жизнь мою – легкой и приятной, стихи звучали, как благовест новой жизни. Какое это счастье – быть грамотным! <...>

1916

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ
(Послание в альбом)

Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это – звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода
С пароходом вдалеке.

Это – древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук –
Имя Пушкинского Дома
В Академии наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

1921

ПУШКИН

Он жив! у всех душа нетленна,
Но он особенно живет!
Благоговейно и блаженно
Вкушаем вечной жизни мед.
Пленительны и полнозвучны,
Текут родимые слова...
Как наши выдумки докучны
И новизна как не нова!
Но в совершенства холодный камень
Его черты нельзя замкнуть:
Бежит, горя, летучий пламень,
Взволнованно вздымая грудь.
Он – жрец, и он весёлый малый,
Пророк и страстный человек,
Но в смене чувства небывалой
К одной черте направлен бег,
Москва и лик Петра победный,
Деревня, Моцарт и Жуан,
И мрачный Герман, Всадник Медный
И наше солнце, наш туман!
Романтик, классик, старый, новый?
Он – Пушкин, и бессмертен он!
К чему же школьные оковы
Тому, кто сам себе закон?
Из стран, откуда нет возврата,
Через года он бросил мост,

И если в нем признаем брата,
Он не обидится: он – прост,
И он живой. Живая шутка
Живит арапские уста,
И смех, и звон, и прибаутка
Влекут в бывалые места.
Так полон голос милой жизни,
Такою прелестью живим,
Что слышим мы в печальной тризне
Дыханье светлых именин.

1921

<...> То было ранней весной, такую ранней, когда всё было покрыто туманом, талым снегом, когда в воздухе с необыкновенной силой множились и роились болезнетворные микробы, – ветреной, серой, грязноватой весной. Но те, которые пришли раньше Пушкина, не видели весеннего солнца, не слышали журчанья ручьев, не оттаяли их сердца. Косны были их губы и бормотали в морозном воздухе неясные речи. А те, кто пришёл после Пушкина, оказались в положении продолжателей, ибо самые-то главные слова Пушкин сказал. <...>

<...> Пушкин был русской весной, Пушкин был русским утром, Пушкин был русским Адамом. Что сделали в Италии Данте и Петрарка, во Франции – великаны XVII века, в Германии – Лессинг, Шиллер и Гёте, – то сделал для нас Пушкин. Он много страдал, потому что был первым, хотя ведь и те, которые пришли за ним, русские «сочинители», по признаниям их, от Гоголя до Короленко, немало скорби вынесли на плечах своих. Он много страдал, потому что его чудесный, пламенный, благоуханный гений расцвёл в суровой, почти зимней, почти ночной ещё России, но зато имел «фору» перед всеми другими русскими писателями. Он первый пришёл и по праву первого захвата овладел самыми великими сокровищами всей литературной позиции.

И овладел рукою властной, умелой и нежной; с такой полнотой, певучестью и грацией выразил основное в русской природе, в общечеловеческих чувствах, во всех почти областях внутренней жизни, что преисполняет благодарностью сердце каждого, кто впервые, учась великому и могучему русскому языку, впервые приникая к родникам священного истинного искусства, пьёт из Пушкина. <...>

ПУШКИНУ

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белёсый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обречённый на говенье,
Ещё я долго буду петь...
Чтоб и моё степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

1924

ЮБИЛЕЙНОЕ

Александр Сергеевич,
разрешите представиться.
Маяковский.

Дайте руку!
Вот грудная клетка.
Слушайте –
уже не стук, а стон;
тревожусь я о нём,
в щенка смиренном лвьёнке.
Я никогда не знал,
что столько
тысяч тонн
в моей
позорно легкомыслрой головёнке.
Я тащу вас.
Удивляетесь, конечно?
Стиснул?
Больно?
Извините, дорогой.
У меня,
да и у вас,
в запасе вечность.
Что нам
потерять
часок-другой?!

Только
жабры рифм
топырит учащённо
у таких, как мы,
на поэтическом песке.
Вред – мечта,
и бесполезно грезить,
надо
весть
служебную нуду.
Но бывает –
жизнь
встаёт в другом разрезе,
и большое
понимаешь
через ерунду.
Нами
лирика
в штыки
неоднократно атакована,
ищем речи
точной
и нагой.
Но поэзия –
пресволоочнейшая штукавина:
существует –
и ни в зуб ногой.
Например
вот это –
говорится или блеется?

Синемордое,
в оранжевых усах,
Навуходоносором
библейцем –
«Коопсах».
Дайте нам стаканы!
Знаю
способ старый
в горе
дуть винище,
но смотрите –
из
выплывают
Red и White Star'ы *
с ворохом
разнообразных виз.
Мне приятно с вами, –
рад,
что вы у столика.
Муза это
ловко
за язык вас тянет.
Как это
у вас
говаривала Ольга?..
Да не Ольга!
Из письма Онегина к Татьяне.

---

* Красные и белые звёзды (анг.)

– Дескать,
    муж у вас
                    дурак
                            и старый мерин,
я люблю вас,
    будьте обязательно моя,
я сейчас же
    утром должен быть уверен,
что с вами днём увижусь я. –
Было всякое:
    и под окном стояние,
письма,
    тряски нервное желе.
Вот
    когда
    и горевать не в состоянии –
это,
    Александр Сергеич,
                            много тяжелей.
Айда, Маяковский!
                    Маячь на юг!
Сердце
    рифмами вымучь –
вот
    и любви пришёл каюк,
дорогой Владим Владимыч.
Нет,
    не старость этому имя!
Тушу
    вперед стремя,

я
с удовольствием
справлюсь с двоими,
а разозлить –
и с тремя.
Говорят –
я темой и-н-д-и-в-и-д-у-а-л-е-н!
Entre nous... **
чтоб цензор не нацикал.
Передам вам –
говорят –
видали
даже
двух
влюблённых членов ВЦИКа.
Вот –
пустили сплетню,
тешат душу ею.
Александр Сергеич,
да не слушайте ж вы их!
Может,
я
один
действительно жалею,
что сегодня
нету вас в живых.
Мне
при жизни
с вами
сговориться б надо.

** Между нами (франц.)

Скоро вот

и я

умру

и буду нем.

После смерти

нам

стоять почти что рядом:

вы на Пе,

а я на ЭМ.

Кто меж нами?

с кем велите знаться?!

Чересчур

страна моя

поэтами нища.

Между нами

– вот беда –

позатесался Надсон.

Мы попросим,

чтоб его

куда-нибудь

на Ща!

А Некрасов

Коля,

сын покойного Алеши, –

он и в карты,

он и в стих,

и так

неплох на вид.

Знаете его?

вот он

мужик хороший.

Этот
нам компания –
пускай стоит.
Что ж о современниках?!
Не просчитались бы,
а вас
полсотни отдав.
От зевоты
скулы
разворачивает аж!
Дорогойченко,
Герасимов,
Кириллов,
Родов –
какой
одноробразный пейзаж!
Ну Есенин,
мужиковствующих свора.
Смех!
Коровою
в перчатках лаечных.
Раз послушаешь...
но это ведь из хора!
Балалаечник!
Надо,
чтоб поэт
и в жизни был мастак.
Мы крепки,
как спирт в полтавском штофе.
Ну, а что вот Безыменский?!
Так...

ничего...

морковный кофе.

Правда,

есть

у нас

Асеев

Колька.

Этот может.

Хватка у него

моя.

Но ведь надо

заработать сколько!

Маленькая,

но семья.

Были б живы –

стали бы

по Лефу соредактор.

Я бы

и агитки

вам доверить мог.

Раз бы показал:

– вот так-то, мол,

и так-то...

Вы б смогли –

у вас

хороший слог.

Я дал бы вам

жиркость

и сукна,

в рекламу б

выдал

гумских дам.

(Я даже
яблом подсюсюкнул,
чтоб только быть
приятней вам.)
Вам теперь
пришлось бы
бросить ямб картавый.
Нынче
наши перья –
штык
да зубья вил, –
битвы революций
посерьезнее «Полтавы»,
и любовь
пограндиознее
онегинской любви.
Бойтесь пушкинистов.
Старомозгий Плюшкин,
перышко держа,
полезет
с перержавленным.
– Тоже, мол,
у лефов
появился
Пушкин.
Вот арап!
а состязается –
с Державиным...
Я люблю вас,
но живого,
а не мумию.

Навели
хрестоматийный глянец.
Вы
по-моему
при жизни
– думаю –
тоже бушевали.
Африканец!
Сукин сын Дантес!
Великосветский шкода.
Мы б его спросили:
– А ваши кто родители?
Чем вы занимались
до 17-го года? –
Только этого Дантеса бы и видели.
Впрочем,
что ж болтанье!
Спиритизма вроде.
Так сказать,
невольник чести...
пулею сражён...
Их
и по сегодня
много ходит –
всяческих
охотников
до наших жён.
Хорошо у нас
в Стране Советов.
Можно жить,
работать можно дружно.

Только вот
                    поэтов,
                                    к сожаленью, нету –
впрочем, может,
                                    это и не нужно.
Ну, пора:
                    рассвет
                                    лучища выкалил.
Как бы
                    милиционер
                                    разыскивать не стал.

На Тверском бульваре
                                    очень к вам привыкли.
Ну, давайте,
                    подсажу
                                    на пьедестал.
Мне бы
                    памятник при жизни
                                                            полагается по чину.
Заложил бы
                    динамиту –
                                    ну-ка,
                                                            дрызнь!
Ненавижу
                    всяческую мертвечину!
Обожаю
                    всяческую жизнь!

1924

ПУШКИН

Кто воспевал Кавказа кручи,
Душою выше их стремясь,
Кто солнцем просиял сквозь тучи,
С царём, с жандармами борясь?

Ты, Пушкин, ты, любимый с детства,
Певец свободной высоты!
Бессмертное свое наследство
Оставил всем народам ты.

Искусства вольного основа –
Народный, чистый твой язык,
Твоих стихов живое слово –
Неиссякаемый родник!

Грядущих светлых дней глашатай,
Ты пробудил и Кабарду,
И каждую строкой крылатой
Ты утреннюю пел звезду.

Ущелья наши и нагорья
Свой дикий изменили вид,–
Напеву пушкинскому вторя,
Здесь эхо горное звенит;

Растёт твоих творений слава,
Повсюду речь твоя слышна;

Поистине имел ты право
Сказать в былые времена:

«Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз...» Да, пламень твой во все сердца проник!

Ты и в оковах, в трудной доле,
Для своего народа жил.
И вот наймитом царской воли
Убит поэт России был!

Но то, чего всегда боялись
Убийцы славного певца, –
Свершилось! Жить навек остались
Стихи, будившие сердца!

Могучая Страна Советов
Тебя взвела на пьедестал –
Ты стал учителем поэтов,
Сокровищем народным стал!

О, если б ты, любимый всеми,
Прервал бы смерти немоту, –
Как ты воспел бы наше время –
Свою свершённую мечту!

1926

ДУЭЛЬ ПУШКИНА

Идет он к барьеру... За ним сожжены корабли.
Закатное небо уже розовеет вдали.

Он поднял оружие, – он жаждет свободы и мести,
Он поднял оружие, – смывается кровью бесчестье!

Он поднял оружие и целится в сердце врагу.
Кому из двоих суждено умереть на снегу?

Чью раннюю гибель таит смертоносное дуло?
Могилы тлетворным дыханьем оттуда пахнуло.

Он вышел на линию боя, один из солдат.
Давно уже сном беспробудным товарищи спят,

Навеки прославив себя боевыми делами.
Другие – в далекой Сибири гремят кандалами.

Один из солдат, не боясь ни свища, ни огня,
Стоит у барьера, спокойствие в сердце храня.

Но разве противник его – этот светский повеса?
Он целится в самодержавие, а не в Дантеса!

В такую минуту не дрогнет рука у певца.
Его не пугает возможная близость конца.

Не страшно стоять без движенья под вражьем прицелом.
Труднее мириться с гоненьем и рабским уделом,

Трудней покоряться жестокому гнету судьбы
И видеть прислужников царских клеймёные лбы,

Для пошлых насмешек служить безответной мишенью.
Мгновенную смерть он готов предпочесть униженью.

Гоненья, интриги и сплетни познал он сполна.
Поругана честь и покрыта позором жена.

Утрачен покой, под запретом – свободное слово,
И вольные мысли закованы в цепи сурово.

Томятся в неволе живые сердца и умы.
И сам император – смотритель гигантской тюрьмы.

Не в силах снести унижения пленник царя,
И в жилах вскипает горячая кровь бунтаря.

Он поднял оружие, чтоб миру поведать об этом.
Ведь слово, и чувство, и мысль – под суровым запретом.

Он поднял оружие, – он жаждет свободы и мести,
Он поднял оружие, – смывается кровью бесчестье!

Но пулей сражённный, он падает в снег, и ему
Приходит на память Сенатская площадь в дыму,

Декабрьское небо и конь этот вздыбленный, медный...
С кровавого снега певец подымается бледный.

– Всем сердцем я с вами! Лети, моя пуля, лети!
Врагу я обязан последний удар нанести!

Он поднял оружие, но, выстрелив, падает снова.
Закатное небо вдали пламенеет багрово.

Не зимним закатом окрасился снег января,–
Его обагрила горячая кровь бунтаря.

На мягком снегу он лежал, как на белой постели.
Высокие сосны и ели над ним шелестели.

И легкою дымкой подёрнулся меркнувший взор,
Вбирая, лоя, отражая родимый простор.

1937

< ... > Но в чем же тайна произведений Пушкина? В том, что за его сочинениями – как будто ясными по форме и предельно глубокими, исчерпывающими по смыслу – остается нечто еще большее, что пока еще не сказано. Мы видим море, но за ним предчувствуем океан. Произведение кончается, и новые, еще большие темы рождаются из него сначала. Это семя, рождающее леса. Мы не ощущаем напряжения поэта, мы видим неистощимость его души, которая сама едва ли знает свою силу. Это чрезвычайно похоже на обыкновенную жизнь, на самого человека, на тайну его, скажем, сердцебиения. Пушкин – природа, непосредственно действующая самым редким своим способом: стихами. Поэтому правда, истина, прекрасное, глубина и тревога у него совпадают автоматически.

Пушкину никогда не удавалось исчерпать себя даже самым великим своим произведением, – и это оставшееся вдохновение, не превращённое прямым образом в данное произведение и всё же ощущаемое читателем, действует на нас неотразимо. Истинный поэт после последней точки не падает замертво, а вновь стоит у начала своей работы. У Пушкина окончания произведений похожи на морские горизонты: достигнув их, опять видишь перед собою бесконечное пространство, ограниченное лишь мнимой чертою.

< ... >

1937

ЗАРНИЦАМИ СЛОВА ЕГО ГОРЯТ

Не знаю слов таких, не ведаю мелодий,
Чтоб славу Пушкина достойно увенчать.
Он равен каждому, но он один в народе,
И всенародности на нем горит печать.

Вслед за Радищевым искал он путь к свободе.
Зарницами с тех пор слова его горят.
Он создан временем, – но нет во всей природе
Предела для него, нет Пушкину преград.

Любили мы других за образ своенравный,
За рифму новую, за тайный смех иль явный,
За гордость возгласа, за полнозвучный звон.

Влюблялись мы в иных по-юношески кратко,
Но наша поутру спадала лихорадка.
Мы любим Пушкина за то, что *Пушкин* он.

1937

ПЕВЕЦ ВЕЛИКОГО НАРОДА

В жестокий, черный век ты жил,
Певец великого народа,
Но только правде ты служил
И в песнях воспевал свободу.
За то, что честен был и прям,
За смелость, за вражду к цепям
Ты ненавистен был царям
И скрыт был ими от народа.
Но ты предвидел –
Грянул час –
Оковы пали. И среди нас,
Как не стареющий алмаз,
Ты вспыхнул на груди народа.
И слов твоих прекрасный свет
Проник в сердца сквозь толщу лет.
Ты к нам пришёл, как наш поэт,
Украстить молодость народа.
Достойный славы всех времен,
Ты нашим солнцем озарен.
Прими же Стальского поклон,
Салам лезгинского народа.

1937

К ПОРТРЕТУ ПУШКИНА

Земля, рождавшая когда-то
Богатырей в глухом селе.
Земля, которая богата
Всем, что бывает на земле;

Земля, хранившая веками
Заветы вольности лихой;
Земля, что столькими сынами
Горда передо всей землёй;

Земля, где дружба всех наречий
Так нерушима и тепла,
Где правда жизни человеческой
Впервые на землю пришла;

Земля, где песни так живучи,
Где их слагает и поет
Сам неподкупный, сам могучий,
Сам первый песенник – народ.

Земля такая не могла ведь,
Восстав из долгой тьмы времён,
Родить и нынче гордо славить
Поэта, меньшего, чем он...

1937

ПУШКИНУ

Нерукотворный «Памятник»
Мне ясно говорит,
Что ты, великий Пушкин,
Слышишь наши песни.

Ты, Пушкин, погляди
На «дикого тунгуза» –
Ведь это я – эвенк,
Навек теперь свободный.

Я землякам в колхозе
Стихи твои читаю.
Слова твои звенящие
Над Севером летят,

И счастьем прорастает
Таёжная земля.
Твоё, твоё пророчество
Сбылось, великий Пушкин!

До 1940

ПУШКИН

Мы любим Пушкина.
Мы бережём
Его прекрасные сказанья.
Преодолела время, расстоянья,
Как светоч, песнь его
Своим лучом.
С благоговением храня
Наследство Пушкина,
День ото дня,
Старик, я думаю о нем,
С ним говорю,
Склонившись над плетнём.
Я, возвратившись к очагу, домой,
Наедине с самим собой
Вникаю в пушкинское слово.
Для нас его песнесложенье ново...

В том старом мире ты отважен был,
Наш Пушкин: бился против тёмных сил.

ЧЁРНАЯ РЕЧКА

Весь день ревут над речкой монопланы,
Шумит листвою коломяжский лес,
Дым паровозов стелется к полянам.
Вот здесь сходились Пушкин и Дантес.

Кустарник. Сосны. Старая деревня.
Здесь всё не так, как много лет назад.
И видевшие многое деревья
Угрюмо и подавленно молчат.

Ревут моторы мощные, и в низком
Скольженье с завоеванных высот
Пилот, летя над стройным обелиском,
Как сизый сокол, крыльями качнет.

Когда на солнце гаснущее пламя
Коснётся памятника мертвых плит,
Влюблённый мальчик светлыми стихами
О верности подруге говорит.

Колхозов дальних барышни-крестьянки
«Руслана» здесь читают наизусть,
И стрелочник на сонном полустанке,
Трубя в рожок, испытывает грусть.

Полны бессмертья лиственные своды,
Полны дыханья почва и гранит.
Здесь вещий голос гения народа
Нерукотворной силою звучит.

До 1943

ПУШКИН ЖИВ

От бомбы дрогнули в огне
Стропила мирной комнатухи,
А человек стоял в окне,
А человек взывал: «Ко мне!
Тут книги у меня. Тут Пушкин!»

Ему кричали: «Выходи!»
Но книг оставить не хотел он.
И крепко прижимал к груди
Он томик полуобгорелый.

Когда ж произошёл обвал
И рухнул человек при этом,
То и тогда он прижимал
К груди создание поэта.

В больнице долго он без сил
Лежал как мертвый, на подушке.
И первое, что он спросил,
Придя в сознание: «А Пушкин?»

И голос друга, поспешив,
Ему ответил: «Пушкин жив».

1943

МИХАЙЛОВСКОЕ

*Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила:
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.*

А. Пушкин

На столе пирог и кружка.
За окном метель метет.
Тихо русская старушка
Песню Пушкину поёт.

Сколько раз уж песню эту
Довелось ему слышать!
Почему ж лица поэта
За ладонью не видать?

Почему глаза он прячет:
Или очи режет свет?
Почему, как мальчик, плачет,
Песню слушая, поэт?

На опущенных ресницах
Слезы видно почему?
Жаль синицы? Жаль девицы?
Или жаль себя ему?

Нет, иная это жалость.
И совсем не оттого

Плачет он и сердце сжалось,
Как от боли, у него.

Жаль напевов этих милых,
С детства близких и родных.
Жаль, что больше он не в силах
Слышать их и верить в них.

Песни жаль!.. И он рукою
Слезы прячет, как дитя.
...Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.

1943

***

После марша и ночной атаки
нашу роту посетила грусть:
нам под Банской Штявницей словаки
Пушкина читали наизусть.

Можно встретить в Вене земляка,
без вести пропавшего в июне.
Вот была же встреча накануне
с братом у счастливого стрелка.

Но когда мы с Пушкиным вдали
свиделись негаданно-нежданно,
о чужбине песню завели,
и Россия встала из тумана.

1945

ВСТРЕЧА

Кони гремят за Тверскою заставой,
Давит булыгу дубовый полок,
Ящик, наполненный бронзовой славой,
Сотней пудов на ободья налѐг.

Пушкин вернулся в свой город престольный –
Вечным кумиром взойти на гранит,
Где безъязычный металл колокольный
Недозвучавшую песнь охранит.

Через неделю вскипят орифламмы,
Звезды и фраки склонятся к венцам,
Будут блистать адъютанты и дамы,
И Достоевский рванет по сердцам...

Кони гремят по бугристой дороге;
Вдруг остановка: подайся назад;
Наперерез погребальные дроги,
Факельщик рваный, – «четвертый разряд».

Две-три старушки и гробик – старушкин,
Ломкий приют от несчастий и скверн,
С тою, которой безумствовал Пушкин,
С бедной блудницею – Анною Керн.

Две-три старушки и попик убогий;
Восемьдесят измочаленных лет;
Нищая старость и черные дроги;
Так повстречались Мечта и Поэт.

Но повстречались!.. Безмолвье забвенья
Как на измученный прах ни дави,–
Вспомнят миллионы о Чудном мгновенье,
О Божестве, о Слезах, о Любви!

1948

М. Исаковский

Классический стих живет и будет жить, как живет вечно живая и вечно прекрасная поэзия Пушкина.

1949

Я хорошо помню: в детские годы в моей пастушеской сумке лежал небольшой, изрядно потрёпанный томик пушкинской поэзии. К тому времени я уже кое-как научился читать, и чтение стало моей страстью. В подходящие минуты среди природы, где-нибудь на опушке бора или в прибрежном ивняке, я с увлечением читал поэмы и стихи Пушкина, заучивая их па память. < ... > Умом я тогда, может быть, не понимал еще красот и мыслей этой бессмертной поэзии, но своим детским сердцем чувствовал непреодолимую власть чарующего пушкинского стиха. < ... >

Я люблю Пушкина за ясный, широкий, разнообразно поэтический горизонт, за его чуткое и гуманное отношение к людям. < ... > Я люблю его за беспокойный, протестующий дух, за интернационализм его поэзии. < ... > Братская дружба русского и белорусского народов нерасторжима. Ярким свидетельством тому – неизменная наша любовь к Пушкину. < ... >

ВЕНОК

Не лавры жесткие в его венок,
А свежие цветы земли родимой
Вплетут сегодня запад и восток,
Онежские леса и рощи Крыма.

И если был пред смертью одинок
Поэт, придворный челядью гонимый,
То в наши дни так явственно и зримо
Исполнился предсказанный им срок.

Во всех краях великого Союза
Смеющаяся пушкинская муза
Нашла себе признание и приют.
В степях и тундрах Пушкина поют.

И он зовет на подвиги поэтов
В стране труда – в Республике Советов.

1949

СОН

Тихо светит месяц серебристый...
Комсомольцу снятся декабристы.

По России, солнцем обожжённой,
Тащутся измученные жены,
Молча по дороге столбовой
Одичавший тянется конвой.

Далеки, темны и глубоки
Каторги сибирской рудники.

1949

< ... > Я узнал и полюбил Пушкина в том возрасте, когда гораздо слаще слушать чтение, чем читать самому. Со слуха я знал его «Сказку о царе Салтане», «Полтавский бой» из «Полтавы», «Сон Татьяны» из «Евгения Онегина», «Жениха». Но «Капитанская дочка» явилась для меня первой в жизни самостоятельно прочитанной книгой. Я помню формат книги, ее запах, помню, как я был счастлив, что сам открыл эту неизвестную мне со слуха историю.

Я был захвачен ею и засиделся у окна избы дотемна, и когда дошёл до бурана в Оренбургской степи, то увидел, что за окном пошёл снег, и это стало неизгладимым до сих пор впечатлением как бы магической силы, изошедшей от пушкинской страницы. С того вечера я стал читателем книг, и мне бесконечно дорого, что этим я обязан Пушкину. А кто не обязан ему радостью приобщения на самой заре жизни к источнику, из которого потом пить всю жизнь! Но если Пушкин приходит к нам с детства, то мы по-настоящему приходим к нему лишь с годами. < ... >

1949

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

Вы – сокровище русских людей.
Образ ваш величав и спокоен!
Перед вами – питомец степей,
Скотовод, литератор и воин.
А отец мой – в колхозе столяр,
Мать хлопочет, вся предана внукам:
Скоро братья и сестры, как я,
Обучаться поедут наукам.
Свой родной малахай на меху
Перед вами с почтеньем снимаю, –
Никакому иному стиху
Я с восторгом таким не внимаю.
Вдоль по улицам нашей Москвы
Прохожу я и думаю часто:
«Как случилось, что молоды вы,
Хоть по возрасту вам полтора?»

Может стать, ваш друг Кюхельбекер
Под могучими соснами пади
Повторял ваши строфы в том веке,
И внимал ему темный мой прадед.
На Ононе, быть может, в изгнание,
Коченя от ветра и стужи,
Ваше полное веры посланье
Прочитал ему добрый Бестужев.

Мы услышали вас, и с тех пор
Дружелюбием поэта и брата
На просторе степном у озер
Согревается юрта арата.

Я же с вами знакомство завёл
Зимним вечером в юрте-читальне.
Вашу книгу привёз комсомолец
В наш улус, и холодный и дальний.
Да, вы были у нас не в гостях,
Вы живете на нашем Ононе.
Помню – в юности ранней, в степях
По ночам мы пасем своих коней
Или вечером ясным, в мороз,
Возим сено по снежной дороге,
И январских сияющих звезд
В небе искрятся тысячи многие.
Мы любуемся их красотой
И дивимся, какая их сила!
Только ваше сиянье собой
И небесные звезды затмило.

Но за годом проносится год...
Вот идем мы под знаменем нашим
В незабвенный победный поход...
За спиной – Бородинские пашни...
Мы зеленой весной взошли
На крутые руины Берлина,
Мы с собой ваши строки несли,
С вами сердце слилось воедино.
И теперь, если роем канал
Иль сажаем от ветра преграды,

Чтобы край недорода не знал,–
Вы среди комсомольской бригады.

Хорошо сознавать: это вы,
Это вашего имени площадь.
Над широким простором Москвы
Стих ваш знаменем вольным полощет.
Плащ, однако, у вас запылен:
Вы дорог исходили немало.
Вас видали и Днепр, и Рион,
Дюны Балтики, скалы Урала.
И родная моя сторона
Жадно к вам простирает объятия.
К вам любовью горит и она –
Пробуждённая наша Бурятия.
Дайте мне вашу руку пожать,
Вечно юный наш друг и учитель!
Вы советскому сердцу под стать,
Вы в грядущее бодро глядите.

1949

ПУШКИНУ

(К 150-летию со дня рождения)

Певец, народа собеседник,
Не бережёт своих щедрот,
И потому-то весь народ –
Его единственный наследник.

Проходят зимы, весны, лета,
Тускнеет золото и медь, –
Вам только не дано тускнеть,
Дары могучего поэта.

Я слово правды не нарушу,
Когда скажу тебе, поэт:
Как в очи входит солнца свет.
Твой чистый голос входит в душу.

Читаю я твои творенья
И перечитываю их,
И с новой силой страстный стих
Дарует радость вдохновенья.

Как мне отрадно, что аварец
Твоим пленяется стихом!
Джигит находит мудрость в нем,
И юность обретает старец.

Мне хочется сказать спасибо
Тебе, поэзии титан,
Чей свет горит и для крестьян
Высокогорного Гуниба.

Я вижу, как в библиотеке
Детишек очередь растёт,
И просят все наперечёт
Стихи, зажжённые навеки.

Родится сын в семействе горца, –
Родителям мы говорим:
– Да будет Пушкиным вторым,
Да блещет даром стихотворца!

В Москве на памятник всегда я
Смотрю: исполнен ты забот,
Ты устремляешься вперед,
Как бы в грядущее шагая.

Задумчив облик величавый,
И люди смотрят на тебя,
Благоговевя и любя,
Гордясь твоей бессмертной славой.

У памятника дорогого
И я, взволнованный, стою,
И я тебе передаю
В горах взлелеянное слово:

– России светоч и отрада!
Сыны Кавказа тем горды,

Что им дано вкушать плоды
Густого пушкинского сада.

Тобой посеянные зёрна
Приют нашли в сердцах людских,
И вечен твой могучий стих,
Как памятник нерукотворный.

1949

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ

Бывает, весенняя вода прорвёт плотину, смочет мостки, и останутся от всех мостков одни только колышки, и они-то бывают мерой того, как глубоко когда-то стояла вода. Так и памятник Пушкину останется мерой, до какой высоты может доходить полнота человеческой жизни.

Бывает, весенняя вода, спадая, оставляет на лугу льдины, указывающие на то, как далеко разливалась вода. Так и памятник Пушкину указывает нам высший предел разлива нашей души. А мы смотрим, и надеемся, и ждем, что придёт новый Пушкин и установит нам новую даль.

И так тоже приходит утешение, что Пушкин Пушкиным, а я в своем собственном деле разливался не хуже и сделал всё, что только мог... и что памятник Пушкину ставится не самому Пушкину: какое дело Пушкину до своих памятников! Он ставится только для общества, как мера разлива души человеческой.

1951

НАД СТИХАМИ ПУШКИНА

Его незаживающие строки
Мне – как России зимние дороги.
Иду по ним – кругом белым-бело,
И сколько тайн хранит его чело!

1960–1961

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ

...А корчмы-то и нету.
Прах развеян по свету,
Верней, по Литве,
Верней, по молве.
А молва такая
Крутая, лихая
Была,
Да сплыла.
А закон корчмы на границе –
Никого не сторониться,
Беглецов не иметь,
Всех принимать:
Шел поп-расстрига,
Шел юродивый в веригах,
Шел хожалый люд,
Кого плетью бьют
На Московии,
На Руси...
Корчма, спаси!
Спаси их души,
Спаси тела!
Вот какие были
В корчме дела.
Вот какие были
В корчме дела...

Александр Сергеевичу
Честь и хвала!
Александр Сергеевич,
Вечный друг,
Принимай-ка славу
Из наших рук.
Дел невпроворот,
Жизнь права,
Жив народ,
Жива Литва!

1963

КАЛМЫК

Хоть я достаточно привык,
но снова голову теряю,
когда мне Пушкина калмык
благоговейно повторяет.

Те незабвенные слова,
как духи музыки и света,
не утратили волшебства
от гордой тщательности этой.

Считает, видно, мой джигит
в своей простительной гордыне,
что Пушкин впрямь принадлежит
степному воздуху полыни.

Что житель русских двух столиц
не озарялся их огнями,
а жил, седлая кобылиц
или беседуя с орлами.

И с непокрытой головой,
играя на своей свирели,
шел за кибиткой кочевой
между тюльпанами апреля.

С таким я слушаю стараньем,
так тихо ахаю в ответ,
как будто полного Собранья
на полке не было и нет.

Как словно мне всё это внове
и я в Тригорском не бывал,
не пил фетяску в Кишинёве,
в Одессе устриц не глотал.

И с осторожностью весёлой
для ожидающих веков,
пока он спал, я утром с полу
не собирал черновиков.

Как будто я из церкви тоже
не выносил на паперть прах
и гроб мучительный рогожей
не я укутывал в санях.

Читай еще, пастух степной.
Я чтение это не нарушу.
От повседневности такой
мне перехватывает душу.

Как сердце бедное унять?
Скорей бы пушкинская сила
его наполнила опять
или совсем остановила.

Звучит средь сосен и снегов
до потрясения сознания
то исполнение стихов,
как исполненье предсказанья.

1972

ПУШКИН В ДВИЖЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЗНАНИЯ

Если расположить на карте Европы национальных гениев ее литератур и проставить даты их жизни, получится картина странного движения. Оно опоясывает границы континента каким-то прерывистым ходом по часовой стрелке. Начинается на юго-востоке в Греции (VII в. до н.э.), идет дальше южной границей на запад через Рим (I в. до н.э., Вергилий и Гораций), где приостанавливается до появления Данте (конец XIII – начало XIV вв.), движется дальше к Португалии (XVI в., Камоэнс), Испании (Сервантес, конец XVI – начало XVII вв.), поднимается на север к Англии (Шекспир, конец XVI – начало XVII вв.), поворачивает снова на восток через Францию (Корнель, Расин, Мольер – XVII в.), Германию (Гёте, XVIII – начало XIX вв.), и завершается в России (начало XIX в., Пушкин). На небосклоне мировой поэзии зажигаются светила, складываясь – то ли в виде неровного эллипса, повёрнутого в сторону Азии, то ли началом развёртывающейся спирали – в одно европейское созвездие, Большую Плеяду.

Пушкин является в ней последним. Он как бы замыкает движение, возвращает его классической Греции. Через него просматривается известная дорога «из варяг в греки»; он даже проделывает ее заново сам, добираясь из Петербурга в крымский Гурзуф (первоначальное греческое название Крисифина, т.е. «Прекрасная»). На нем европейское духовное пространство выходит на свой крайний восточный предел, заканчивает формирование.

Установившиеся на его рубежах звезды светят теперь единым светом. Это константы единого высшего, расположен-

ного для всех. Они раскрывают смысл движения, позволяют видеть, по крайней мере в пределах Европы, что передавалось друг другу, возобновлялось, раздвигало горизонт. Они же дают понять, что движение не прекращалось никогда, только меняло формы. Внутри – заставляло прокладывать своим умом ту же дорогу, искать ориентиры, принимать в сообщество светила новые, пусть не столь крупные, но просветляющие вместе с ними жизнь; вовне – выводило к созвездиям иным и далеким, к их представлениям о мировом развитии.

При этом мы не можем, конечно, забывать, что в реальной истории, т.е. на освещаемой звездами земле, движение шло не без больших трудностей. Представление о том, что относится к Европе, а что к недостойной её дикости, многократно и в тяжёлом опыте менялось. Так византийцы, первые в христианском мире поднявшиеся к высотам культуры, вплоть до XII века именовали народы Запада «темными и бродячими племенами»; из Франции мы не раз слышали голоса, что Европа, собственно, кончается за Рейном; в Англии было изобретено, и не без основания, понятие «островитян», мало склонных подчинять свой интерес каким-то общим целям, а в Германии, как мы хорошо знаем, были достаточно распространены стремления рассматривать себя как европейский форпост против славянского вообще и русского в частности варварства. Там даже не успели заметить, что те же настроения переместились из Европы за океан, и известный Теодор Рузвельт писал своему другу, английскому дипломату Сесию Раису, что русские «настолько же ниже немцев, насколько немцы нас».

Великие поэты эти представления преодолевали. Они, как мы понимаем теперь, были призваны к тому, чтобы разделённые силы на общую высоту поднять. Но в пригранич-

ном положении Пушкина была и добавочная сложность. Европейское сознание разворачивалось в нем в общении с чем-то явно не европейским, мало того – внутри самого европейского круга обнаруживало разошедшиеся из единого центра начала. Задумавшись над этим в зрелом возрасте, Пушкин написал: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада». То есть Россия, по его убеждению, к «остальной» Европе безусловно принадлежит; а с другой – христианство ее иное, восточное, и опыт истории, нуждающийся в осмыслении, иной. Трудность открылась еще и в том, что сам Пушкин, воплощая «формулу России», удерживает эти расстояния в себе слитно, превращёнными в одно лицо, и понять их одно без другого оказывается невозможным, как о том с исключительной проницательностью сказал Адам Мицкевич: «Ни одной стране не дано, чтобы в ней больше, нежели один раз, мог появиться человек, сочетающий в себе столь выдающиеся и столь разнообразные способности, которые, казалось бы, должны были исключать друг друга».

Если отдавать себе отчет в характере и размерах этих противостояний, нужно признать вполне естественным и объективным нескорое вхождение Пушкина в европейское сознание, особенно на Западе. Задачи такого рода решаются не вдруг. Мы помним, как долго во Франции, вплоть до XVIII века не принимался Шекспир, едкую критику его Вольтером; лишь Гёте и немецкие романтики сделали его общим достоянием. У Пушкина несомненным барьером для европейцев встал и русский язык, который никогда не получал в Европе живого распространения, подобно французскому, немецкому или в наши дни американскому варианту англий-

ского (употребляемому, правда, больше в деловом и бытовом, чем в культурном общении).

Между тем Пушкин в высшей степени поэт, он поэт и когда пишет прозу. Слова совершенно растворены у него в жизни образа и говорят оттенками, «щелями», сочетаниями, пробуждёнными из застылых форм, бесконечно больше, чем прямая речь. В прямом переложении их на значения другого языка всё это мгновенно исчезает. «Il est plat, votre poete»^{*} – говорил Флобер Тургеневу о попытках последнего донести до своего французского друга содержание пушкинского стиха. Сделать это должен был бы равновеликий французский поэт, а время таких централизирующих национальное сознание классиков на Западе было далеко позади. Пушкин и Мицкевич еще хорошо понимали и переводили друг друга, чему помогало, конечно, еще не утраченное для уха родство славянских языков. Расслышать подобную близость в звучащих корнях романо-германских наречий было намного труднее, и достигалось скорее умозрением.

Мешала и мешает переводу до сих пор чрезвычайная краткость Пушкина. Его суждения, как правило, брошены мимоходом, не выделены, не выставлены наперёд; они освещаются общей мыслью и лишь очень редко выдают, что за ними стоят целые будущие направления. Например, говоря в заметках по русской истории XVIII века о том, как гнала Екатерина духовенство, Пушкин замечает: «Жаль! ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер». Понадобились не менее полувека, деятельность ученых монахов по переводу византийских источников в религиозном центре Оптиной пустынь, усилия философов И. Киреевского, Хомякова и других, что-

---

^{*} Он травиален, этот ваш поэт.

бы направление так называемых «славянофилов» выдвинуло основой национальной идеи русских принадлежность к православию. 23-летний Пушкин высказал это между прочим и одной фразой.

Или международный пример того же рода – пушкинская статья 1836 г. о Джоне Теннере (John Tanner). Пушкин высказал в ней опасения по поводу перенесения в Новый Свет, т.е. в Америку, меркантильной цивилизации и беспрепятственного расцвета там этих отношений. Его формула-определение происходящего прозвучала так: «Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую, подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort)». Слово *comfort* он поставил в скобках и написал его ради ясности значения по-французски. И вот в XX веке мы прочли в трудах философа Макса Вебера подробное обоснование этого понятия «комфорт» – как главной характеристики протестантской этики, перенесенной в Америку. В современной России вы можете встретить его употребление в сугубо положительном, даже восторженном смысле. У Пушкина – мимолётный штрих.

Всё это, разумеется, не означает, что Пушкин отрезан от западной части Европы, что он туда не проникает, не доходит, не участвует в общем развитии. Он участвует, и деятельность филологов высокого класса или лично увлеченных Пушкиным писателей, таких, как Проспер Мериме, приносит свои благодарные плоды. Необходимо только сознавать, что формы этого участия, сообразно срокам, могут быть неявными, рассредоточенными, использующими непредусмотренные возможности.

Так можно заметить, что Пушкин давно и прочно действует в Европе через своих последователей. Его сжатые формулы питают изнутри достижения, завоевывающие признание.

Например, получивший мировую славу роман «Преступление и наказание». Одержимый наполеоновской идеей студент Раскольников совершает в нем теоретическое, умышленное убийство «из принципа» и терпит нравственное крушение. Между тем задолго до студента у Пушкина в «Пиковой даме» ее главный персонаж Германн, – если вспомнить, подчёркнуто «похожий на Наполеона», – убил свою старуху и перешагнул через свою Лизу. И Пушкин первый сказал в своем центральном произведении «Евгений Онегин»: «Мы все глядим в Наполеоны, двуногих тварей миллионы». Эпиграф к этому роману и его содержание, поэма «Цыганы», многое иное было сосредоточено вокруг «чувства превосходства, быть может мнимого». Правда, без идеологических обоснований и духовных катастроф Достоевского.

Или другой, не менее известный в мире русский роман – «Анна Каренина». Мало кто различает, что этот роман, в котором, как говорил Толстой, он «любил мысль семейную», есть отрицательный вариант пушкинской Татьяны из «Евгения Онегина», попытка ответить на вопрос, что бы было, если бы она покинула своего генерала. В пушкинском романе она, как известно, сделать это отказалась. Замечательно, что Толстому, несмотря на весь его художественный гений, не удалось убедить в своем замысле миллионы читателей, в том числе зарубежных. Он поставил к книге устрашающий эпиграф: «Мне отмщение и аз воздам» (Рим; 12, 19. Вт. 32, 35), что означало, что небеса сами отомстят за поругание семейного очага. Большинство читателей перешло однако на сторону Анны. Когда американцы создали по роману фильм со знаменитой Гретой Гарбо в главной роли, волна возмущения зрителей ее самоубийством оказалась такой неудержимой, что пришлось срочно придумывать новый «хеппи энд». Только Пушкин всем обликом Татьяны и её ответом Онегину:

«Я другому отдана и буду век ему верна», – остался единственно и неопровержимо убедительным. Окончание его романа образовало скрытый двигатель проблемы, кто бы и когда бы к ней в России ни обращался.

Критика последних лет обнаружила, что еще больше служат продвижению Пушкина на Запад другие виды искусств, прежде всего – музыка. Таков, например, «Борис Годунов» Мусоргского, в котором слышна мощная стихия народного движения, впервые открытая Пушкиным для исторической драмы. Она стала различимой в мире уже с начала XX века благодаря русским музыкальным сезонам в Париже и международной славе Шаляпина. Тем не менее, ее подлинным автором, обычно не называемым, остается Пушкин.

Без малейшего преувеличения можно сказать, что Пушкин звучит и там, где нет его прямых слов. Вслушайтесь в одного из величайших музыкальных выразителей стихии моря – Н.А. Римского-Корсакова. Он был морской офицер, участвовал в плавании к берегам Америки, и как никто умел передать симфоническими средствами волнение или тишину океана, например в любимой всеми дирижёрами и использующей арабский сюжет «Шехерезаде». На стихи Пушкина у него известно множество романсов и три оперы. В одной из них, «Сказке о царе Салтане», есть оркестровая картина, которая слово в слово, звук в звук, воспроизводит пушкинский стих. Слушатель может о нем и не знать, но полностью воспринимать пушкинский образ:

*В синем небе звёзды блещут,
В синем море волны хлещут,
Бочка по морю плывет...*

Наконец, в поэзии Пушкина заключен ряд идей, которые на западе Европы могут восприниматься с трудом, казаться странными, а у части влиятельных кругов и неприемлемыми.

О них нужно говорить открыто и не бояться их обсуждать, потому что они являются европейскими и, может быть, выводят из самообособления – к общему благу – европейские ценности.

В 1835 г. Пушкин записал на листке, вложенном в книгу, подаренную ему австрийским послом: «Освобождение Европы придёт из России, потому что только там совершенно не существует предрассудков аристократии. В других странах верят в аристократию, одни презирая её, другие ненавидя, третьи, из выгоды, тщеславия и т.д. В России ничего подобного. В нее не верят».

В литературе это означало необходимость заглянуть дальше миропонимания «отца нашего Шекспира», как называл его Пушкин. К тому времени Шекспир достиг высшего признания и был принят в России как первый авторитет. Но в необходимом развитии его идей ощущалось некоторое препятствие.

Идеал Шекспира оставался аристократическим. Всё благородное, достойное человека, связывалось с господствующим слоем. Прощальная пьеса Шекспира «Буря» (1612) полна глубокого разочарования в обитателях подножия пирамид. Князь и властитель острова, взятого в управление высшим знанием, Просперо, не в состоянии поднять к своему уровню первоначального владельца, дикого Калибана. «Все мои усилия, самые гуманные, все, все провалились, провалились совершенно». Калибан завистлив, нагл, мечтает овладеть дочерью князя, готов лизать ботинок всякому, кто обещает вернуть ему остров, предлагает сжечь ненавистные книги, а попытки обучить его языку вызывают в нём поток неистовой брани. Жестокие уроки ставят его на место.

Взгляд сверху вниз, да еще отстаиваемый любой ценой, казался самим собой разумеющимся, предустановленным.

Некоторые литераторы так называемого «третьего мира» находили возможным даже и в XX веке обсуждать свое зависимое и неравноправное положение в понятиях Просперо – Калибан. Интересно, что жертвой этих представлений стал сам Шекспир, которого объявили несуществующим за то, что его пьесы не мог написать сын кожевенника и необразованный актер.

Но вот Гоголь, пытаясь разгадать притягательность пушкинской «Капитанской дочки», написал: «Чистота и безыскусственность взошли в ней на такую высокую степень, что сама действительность кажется перед нею искусственной и карикатурной... простой комендант крепости, капитанша, поручик; сама крепость с единственной пушкой, бестолковщина времени и простое величие простых людей, все – не только самая правда, но ещё как бы лучше её».

«Простое величие простых людей» было точным обозначением поворота, который совершал, ничего не говоря о нем, Пушкин.

Для самого Гоголя он стал принципиальным. Исследователи возводят имя Акакий (Незлобивый) из его «Шинели» к Св. Акакию, одному из мучеников, чтимых православием. Но не менее важным было то, что «акакием» именовался мешочек пыли, который держал в руке при коронации (символ бренности, ничтожности земного) византийский император. (Гоголь, не забудем, был еще и историком, увлекавшимся Средними веками.) Есть и в человеческой пыли душа, которая повыше пирамид, – явилось его открытием, поразившим изверившихся.

Пушкин дал русским писателям этот взгляд снизу вверх, и идею роста, развития снизу вверх, а не привычного захвата верхов, подавления и диктата «просвещением». За ним пошли: Толстой, говоривший Чехову: «Вот я позволял себе

критиковать Шекспира» (по тем же соображениям), Достоевский, Некрасов, Салтыков-Щедрин...

Русская литература была в этом повороте, без сомнения, не единственной. Встречные идеи шли с середины XIX века из Франции, Германии, славянских стран, из Америки (например, «Принц и нищий» Марка Твена). Внимательный взгляд мог различить, как мягко, но уверенно скорректировал своего национального гения Бернанд Шоу в знаменитом «Пигмалионе», где новый Просперо берется преобразить существо, подобное Калибану, «несообразное в облике и манерах», обучает его, как Просперо Калибана, языку, и вдруг оказывается ниже своего создания. Настоящим «освобождённым и оправданным Калибаном» явился Швейк, объявленный идиотом на медицинской комиссии.

Но вывели идею из исторического плена и дали ей неостановимый ход наследники Пушкина. Когда на медицинской комиссии в «Тихом Доне», типа той, что высмеял Гашек, решили не брать Григория Мелехова в гвардию: «Рожа бандитская... очень дик... Переродок! С Востока, наверное... Нельзя-а. Вообразите, увидит Государь такую рожу», – скоро выяснилось, что этот «переродок» оказался носителем единой правды среди слепо противостоящих друг другу сил, а о размножившихся, измельчавших Просперо он высказался так: «Спутали нас ученые люди... господа спутали. Стренижили жизнь, и нашими руками вершают свои дела».

В природе пушкинского дара есть ещё одна черта, не находящая до сих пор объяснения, но немаловажная для нужд развития. Известно изречение Екклесиаста: «Во многой мудрости, много печали; и кто умножает познание – умножает скорбь» (1, 18). Сколько раз оно подтверждалось. У Пушкина всё наоборот. Чем глубже его мудрость, тем она светлее. Ему принадлежат слова: «Говорят, что несчастье хорошая школа.

Может быть. Но счастье есть лучший университет. Его произведения дышат счастьем, несмотря на многие несчастья, в них изображённые; несмотря на то, что нередко они кончаются весьма печально. В его юношеской поэме «Руслан и Людмила» седовласый Финн, кудесник, говорит: «И тайну страшную природы я светлой мыслию постиг». У Пушкина она ничуть не страшна, хотя не раз и не два проваливается в гибельные бездны.

Возможно, что русская литература, которая последней из европейских литератур достигла классической высоты, стремилась сделать этим некоторые выводы из общих усилий, наметив новые дороги. Достоевский говорил: «Шекспир – поэт отчаяния». Величие его не вызывало сомнений. Но хотя английская критика, и особенно в XX веке (Раймонд Чемберс и др.), доказала, что горизонт Шекспира с годами светлеет, общее впечатление от его мира оставалось безысходно трагическим. Знаменитый русский актер XIX века Мочалов, играя Гамлета, произносил фразу, потрясавшую современников, – хотя в пьесе её не было и переводчик вставил её туда как общий вывод и стон: «За человека страшно!». Картина мира была правдивой, но для развивающейся жизни всё-таки неполной. Поднимающееся русское сознание не вполне удовлетворял и её немецкий героический вариант.

Но чем питается пушкинская радость, из каких глубин набирает силу, осталось загадочным. Предлагаемые объяснения обычно подвёрстывают Пушкина под какое-либо излюбленное истолкователю направление (например, «прогрессивное») и, как правило, не достаточны. Большинство склоняется к тому, что прав был Достоевский: «Пушкин унес с собой некоторую тайну, и вот мы ее разгадываем».

206 СТРАНИЦ НЕИЗВЕСТНОГО ПУШКИНА

Диссертация молодого поэта

Известно, что первым напечатанным стихотворением молодого Александра Пушкина было послание «К другу стихотворцу», помещённое в журнале «Вестник Европы» в тринадцатом номере за 1814 год, издававшемся в Петербурге В.В. Измайловым.

А когда была напечатана его **первая проза**? Вопрос не праздный и довольно интересный не только для специалистов-литераторов, но и для всех, кто читает нашего великого национального поэта.

Пытаясь ответить на этот вопрос, я сознавал, что следует попытаться поискать там, куда менее всего заглядывали пушкинисты. Таким местом была Коллегия иностранных дел, где после окончания лицея в 1817 году «справлял службу» молодой коллежский секретарь Александр Пушкин. Там он писал прозой, жалованье получал 700 рублей, а проживал у родных на Фонтанке, у Калинкина моста, в доме Клокачева.

Исследователи творчества поэта считали, что молодой Пушкин был плохим чиновником, посещал свое «казенное ведомство крайне неохотно и не регулярно» и вообще всегда отлынивал от работы. Многие из них, видимо, полагали, что будущий великий поэт получил талант стихотворца вместе с жизнью, а это много важнее, чем работа в коллегии, и, следовательно, нерадивость его по делам службы извинительна. Но есть серьёзные основания считать, что работой Алексан-

дра Пушкина начальство было довольно! Наряду со стихами, которыми восхищались Жуковский, Батюшков, Баратынский и даже Хвостов, он вдруг всерьез занялся своим образованием.

Более того, он по первым своим произведениям был занесен в список «арзамасцев», стал членом и другого литературного общества, имевшего название «Беседы любителей русского слова», а также действительным членом высочайше утверждённого Санкт-Петербургского вольного общества любителей Российской словесности.

Почему-то никто из исследователей творчества Пушкина не проявил интереса к характеру поручений и дел, которые ему пришлось вести по делам службы в коллегии. А между тем это оказалось ключом для обнаружения 200 страниц неизвестного Пушкина!

Последние находки, которые мне удалось сделать в Москве, говорят о том, что молодой Пушкин, по собственному его признанию, с увлечением проводил важные испытания артиллерийских орудий, на Волковом поле близ Охты, исследовал различные способы литья артиллерийских стволов и подробно изложил рекомендации по части всевозможных тонкостей и секретов литейного дела и написал интереснейшую статью в 1821 году, которую с полным основанием можно назвать диссертацией!

Затем он написал «Краткие исторические известия (историю) об артиллерии», изданную в том же году, которая, переработанная и дополненная автором, вышла отдельной книгой в Петербурге в 1824 году, когда Пушкин уже был в Одессе в ведомстве новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова!

Выскажу предположение, несколько шутовское, быть может, что на основании этой первой напечатанной его про-

зы, Пушкин как бы желал оправдать свою фамилию, доставшуюся от его исторических предков, и желал знать **всё о пушках!**

Каждое новое сведение о жизни и творчестве гения русской литературы бесценно для нас, и с каждым годом всё труднее открыть даже просто новый автограф поэта, не говоря о каких-то крупных открытиях или неизвестных страницах. Биография Пушкина также описана весьма подробно и основательно, и, как говорит доктор философских наук А. Гулыга, «биографические кости Пушкина промыты до нестерпимого блеска».

И всё же каждый год приносит что-нибудь новое и интересное о Пушкине. Десять лет назад в Чехословакии в Теплицком архиве обнаружили новые ценные материалы в бумагах А.Н. Фризенгоф, урождённой Гончаровой – сестры жены поэта Натальи Гончаровой, а также в семейном архиве князей Клари-и-Альдринген, потомков М.И. Кутузова.

Эксплуатируя великий интерес к поэту, не дремлют и фальсификаторы: только за последние несколько лет в различных журналах опубликованы три или четыре варианта «сожжённой» 10 главы «Евгения Онегина», якобы чудом сохранившейся в копиях...

Я давно взял за правило при исторических или литературоведческих «розысках» работать только с первоисточниками, по возможности не прибегая к компиляциям. Поэтому в надежде ухватить «нить Арианды» или ценную подсказку в поисках неизвестного Пушкина, я начал с того, что в отделе рукописей и редкой книги Государственной российской библиотеки в Москве стал внимательно просматривать журналы за 1820–1826 годы, где печатался молодой Пушкин: «Вестник Европы», «Невский зритель», «Сын Отечества», «Северный наблюдатель» и др.

Мне повезло, хоть и не сразу. Меня особенно увлекли страницы «Невского зрителя» за 1820–1821 годы. В майском номере оказались стихи лицейских друзей Пушкина (известные, конечно): «Элегия» барона Дельвига, начинавшиеся несколько меланхолично:

*Не мило мне на новоселье,
Здесь всё увяло, там цвело!
Одно и есть мое веселье:
Увидеть Царское Село!..*

Здесь же первые стихи 20-летнего Баратынского «Брату при отъезде в армию», графа Хвостова «Уединённому певцу» и довольно остроумная полемика вокруг его перевода «Андромахи». Дядя поэта Василий Львович Пушкин поместил свою басню «Прохожий и река», ныне совершенно забытую.

А вот и стихи Пушкина с пометкой: Лицей, 9 июня 1817 года, скромно подписанные монограммой «А.П.» (одно из 130 известных стихотворений, написанных еще в лицее) «Кюхельбекеру»:

*В последний раз, в тиши уединенья,
Моим стихам внимает наш Пенат!
Лицейской жизни милый брат...*

Затем следует его же «К прелестнице»:

*К чему нескромным сим убором,
Умильным голосом и взором
Младое сердце распалить!..*

Потом ещё и ещё, тоже хорошо известные. В мартовской книжке журнала привлекло мое внимание стихотворение без подписи, явно обращённое к молодому Пушкину и не отмеченное комментаторами его творчества, но весьма любопытное «Юному хвалителю хвалимых»:

*Тому ль, кто мира за пределы,
Полётом юных орлих крыл,
Сквозь зависти и злобы стрел,
К потоку света воспарил!..*

Кто же автор? Жуковский, Рылеев, Сомов? Сейчас трудно угадать, тогда печатались многие и не дурно ведь писали!

И вдруг в разделе «Смесь» вижу странный для сугубо литературного журнала заголовок большой статьи: «**Примечание на литье артиллерийских орудий**». Принимаюсь за чтение. Статья преинтересная, научного характера, написана ясно, сочно, со знанием дела с цитатами из Ломоносова, Крамзина и даже Вольтера.

Обращают на себя внимание во вступительной части скромные слова автора о том, что он далеко не корифей артиллерийского дела, однако открытия относил к великим деяниям людей и заранее благодарил тех, кто укажет ему недостатки и заблуждения его труда, который с полным основанием я мысленно назвал **диссертацией** по искусству литья артиллерийских стволов. Автор писал: *«Беспристрастие, справедливость и строгость в суждениях определяют истинную цену всем открытиям; и искуснейшие артиллеристы, вероятно, для общей пользы не оставят улучшить и дополнить предположения мои, кои основаны только на слабых познаниях в теории **артиллерийской науки**, или откроют мне все те недостатки и заблуждения, в кое я неопытностью своею вовлечён. «Нельзя сделаться гением ни в какие лета, – говорил Вольтер, – но всегда могут исправить свои ошибки».*

Далее автор сообщал читателям, что труд его написан после посещения пороховых и литейных заводов под Петербургом в 1819 году, а также проведения опытных стрельб на Волковом поле.

«Были произведены опыты, – пишет он, – над несколькими пушками, в разное время и различным образом отлитыми, и после 2000 выстрелов, сделанных из каждого орудия, при 27 опытах, стреляя при различных состояниях погоды по 150 раз из каждого в два приёма, и с такой скоростью так обыкновенно сие случается в решительных сражениях то есть чрез 1,2 и 3 минуты...»

Кроме того автор обследовал военные артиллерийские арсеналы Петербурга и Московского Кремля, сделав сравнительные описания артиллерийских орудий разных систем зарубежных европейских и отечественных образцов за последние 200 лет, а также пушек, отлитых при Минихе, Шувалове, Орловых, князе Зубове, бароне Миллере, генерале Закомельском и графе Аракчееве с использованием парового молота (совершенно неизвестный факт истории!).

Он также подтвердил, что ему продемонстрировали максимальную скорострельность из трехфутовых орудий, доведя ее до 40 выстрелов в минуту (!). Автор приводит данные по численности русской армии в различные периоды истории и количество артиллерийских стволов (которые зачастую решали исход сражений). Например, при Екатерине Великой численность войск составляла 312 тысяч, «способных вывести в поле 512 орудий, не считая орудий, в великом числе хранящихся в арсеналах и по мере надобности отправляемых в армию», которая уже тогда по количеству и качеству орудий превосходила все европейские армии.

В 1807 году, незадолго до нашествия Наполеона, русская армия насчитывала 300 тысяч человек, имея 396 медных полевых орудий, 726 полковых, 204 конных и имея пороху 103 тысячи 476 пудов...

«Сверх того, – пишет автор этой интересной «диссертации», – с 1807 по 1812 год Россия вела кровопролитные войны

с горскими народами на Кавказе, Турцией, Швецией и Францией, нередко в противоположных краях государства в то же время увенчавших её оружием неувядаемой славой, при изобильном вооружении arsenалов и парков, в крепостях и морских портах...».

«Диссертация» заканчивается подведением общих итогов по части вооружения русской армии и ссылкой на высказывание знаменитого начальника штаба генерала Блюхера, победителя Наполеона при Ватерлоо: *«Пределы сей статьи, – пишет автор, – не дозволяют подробно исчислить все превосходства и успехи артиллерии нашей... и беспристрастные слова генерала Гнейзену послужат заключением всему сказанному:*

«Я видел в 1814 году, как маневрировала и сражалась русская армия в действиях против неприятеля; и я исполнен удивления высокими достоинствами сего рода службы, превосходству механического её вооружения, легкости, скорости и точности движений, храбрости офицеров и солдат, редкой дисциплины и правильности во внутренней службе. Творец столь превосходных заведений (русский народ. – Л.В.) заслуживает памятник и признательность отечества».

Этой оценки «качества» русской армии в 1812 году мне не приходилось читать ни у одного советского историка, и, крайне заинтригованный, я наконец на последней странице «диссертации» прочел скромную фамилию автора – **А. Пушкин.**

Большое научное достоинство «диссертации» Пушкина подкреплялось выводами и рекомендациями самого Пушкина как автора и исследователя. Он объясняет, какое влияние на крепость орудийных стволов оказывает значение таких параметров, как тягучесть (вязкость) металла, хрупкость, удельный вес, ссылаясь при этом на сочинения французско-

го математика и инженера Монжа, реорганизатора прусской армии участника разгрома Наполеона Шарнхорста и французского инженера Ламартильера.

Любопытно, что Пушкин, отлично понимая сам физический процесс литья, рекомендует делать опоки с большим количеством мелких дырочек для отвода газов при отливании стволов, что применяется и ныне на оружейных заводах. Рекомендует он также предварительно нагревать форму (и это сейчас делается!), что повышает качество литья. Наконец Пушкин советует для равномерного остывания стволов после отливки, особенно зимой, засыпать песком. *«На сие обстоятельство, – заключает Пушкин, – кажется, и в самой Франции не обращали довольно внимания, но при всей своей маловажности, я думаю, что оно имеет влияние на отливание орудий, от чего вылитый металл в опоку, особенно во время сильной зимы при скором остывании... лишается главных своих свойств: тягучести и твердости».*

Закрывая журнал «Невский зритель», я невольно обратил внимание на перечень лиц, подписавшихся на журнал в различных городах Российской империи, начиная с Петербурга и Москвы. Список начинается с брата императора великого князя Михаила Павловича, который, как известно из истории, в 1820 году начал реорганизацию артиллерийского образования в России совместно с Аракчеевым, и по его предложению в С.-Петербурге были созданы офицерское артиллерийское училище и Артиллерийская техническая школа в 1821 году, существующие и поныне. Артиллерийское училище помещалось в здании Артиллерийского департамента на Выборгской стороне, а Техническая школа, рассчитанная на 25 человек, размещалась при Петербургском арсенале, где по делам службы Пушкин бывал не один раз.

Подписной лист «Невского зрителя» сообщает и других подписчиков: Вторую артиллерийскую бригаду лейб-гвардии, Адмиралтейский департамент, Гвардейский штаб. Затем перечислены граф М.С. Воронцов (в его канцелярии продолжил службу Пушкин в Одессе), князь генерал П.Г. Гагарин, а также П.П. Щербатов, М.М. Олсуфьев, А.А. Закревский, Н.М. Карамзин. Н.И. Греч и другие, хорошо известные фамилии.

В Москве молодого Пушкина читали Н.Н. Сандунов, Л.А. Цветаев... Затем перечислены города: Воронеж, Астрахань, Вязьма, Вятка – всего тридцать пять наименований!

Интересны не только эти факты. «Диссертация» Пушкина доказывает и другое, нечто важное: он по окончании лицейя был прекрасно подготовлен к трудной и ответственной государственной службе, как, впрочем, и многие другие лицеисты; Горчаков – ставший канцлером, Матюшкин – адмиралом, Дельвиг, Кюхельбекер, Пущин, Корф, Данзас и др. Это ли не свидетельство о прекрасной постановке образования в России уже в то время! Вместе с тем известно, что наш поэт закончил лицей далеко не в числе первых, имея хорошие оценки только по словесности и французскому языку.

Между тем я продолжил исследование, как и полагал, давно изученных вдоль и поперёк старых журналов, ибо наивно думать, что до меня никто из пушкинистов не прочёл «диссертацию» поэта, но почему-то не придал ей особого значения. И опять удача!

В V и VI книжке «Невского зрителя» вновь оказалась проза Пушкина – целых 30 страниц: «Краткие исторические известия об артиллерии».

Статье предшествует эпитафия на французском языке: *La perfection des sciences est reserve a la succession des temps* («Совершенство наук есть достояние будущих поколений»), после чего Пушкин, я бы сказал, просто и элегантно приступает

к изложению краткой истории артиллерии, которая почему-то не вошла в полное собрание его сочинений.

*«Изобретение пороха должно почтеться одним из важнейших происшествий в Истории государств; ибо никакое открытие не заслуживает столь великого внимания, сколь **артиллерия**: послужив преградою варварам в опустошении земель, она имела влияние на самый дух народов, преобразовала военное искусство, сделала войны не столь продолжительными – следственно и гибельными, и в скором времени решая битвы и судьбу престолов, предоставляет европейцам всё преимущество перед прочими народами. Сие важное открытие приписывают различно: индейцам и китайцам в XII веке. Вероятно, аравитяне ещё гораздо ранее употребляли порох; ибо восточные историки XII столетия описывают его действие и упоминают, что Гренадский Владетель в 1312 году имел снаряд огнестрельный. В Европе во времена крестовых походов при Людовике IX, в 1294 году англичанин Роджер Бакон, в книге своей Nullitatae magia говорит в оправдание себя в мнимом волшебстве, о подобном пороху составе для увеселительных огней. И полагают, что Бертольд Шварц, около ста лет после него живший, не есть изобретатель оного, но что он только ввёл его в употребление у Венециан, и первый посредством пороха выстрелил пулю из железного ствола...»*

Как читатель может сам убедиться уже с первых страниц, недавний лицеист Пушкин поражает начитанностью и эрудицией, подкрепляя свои соображения ссылками на первоисточник или на исторические документы, откуда почерпнуты те или иные сведения или факты.

Далее он последовательно излагает, какими путями шло совершенствование оружия после изобретения пороха. После того как пуля, загнанная в ствол, была послана в цель силой пороховых газов, появился пистолет, – как считает Пуш-

кин, – в 1364 году, в Италии, в городе Перуджи, а в Германии ввели в употребление фитиль. После чего эта «малая артиллерия» подала мысль к изобретению бомбард, «кои в 1420 году были сделаны для осаждения и защищения городов». Пистолетный замок был изобретён в Нюрнберге в 1517 году, а палубу из «органных батарей» (связки стволов) открыли в 1500 году...

Пушкин шаг за шагом прослеживает, как шло дальнейшее совершенствование артиллерии в разных странах: при Людовике XI в 1470 году стали отливать орудия из меди. При герцоге Альбе появилась впервые артиллерия на конной тяге, мушкеты в пехоте и короткоствольные карабины в коннице. Каменобросцы-мортиры были изобретены только через 200 лет после изобретения пушек...

Исследует Пушкин и развитие артиллерии в России.

Он считает, что у русских огнестрельное оружие появилось с 1382 года, и при осаде Москвы татарами из Кремля в осаждающих бросали камни чугунные «махины», и попутно отмечает факт, найденный им в архивных документах, что при сыне Дмитрия Донского – Василии в Москве от пороха сгорело несколько домов-мастерских, где он изготовлялся.

Уже тогда в России огнестрельное оружие разделялось на «пищали», «тюфяки» и «пушки». В 1428 году при осаде города Порхова Витовтом Литовским под его стены на 40 лошадях было привезено огромное орудие, отлитое мастером Николаем, которое первым же выстрелом обрушило стену церкви Св. Николая, а при втором взорвалось при страшном грохоте, убив и мастера и прислугу...

Оказывается, «единороги» (гаубицы) впервые были применены графом Шуваловым и назывались «шуваловками» или «секретными». Это новоизобретённое оружие приказано было хранить в строжайшей тайне, и для прислуги подби-

рать особо надёжных людей, «которые под присягою обязаны были ничего не объявлять о них»... Не ограничиваясь только историческими сведениями, Пушкин приводит результаты собственных исследований арсеналов, указав длину стволов, калибр, вес и снабдив описания своими примечаниями и комментариями. «В С.-Петербургском Арсенале, – пишет он, – хранятся два достопамятные орудия для всех любителей отечественных древностей: отлитые в царствование царя Иоанна Васильевича: дробовик, род мортиры весом 10 пуд 23 1/2 фунта, имеющий котёл наподобие параллелепипеда, а камору наподобие четырехсторонней усечённой пирамиды; и гаубица весом 6 пуд 30 фунтов. Достоино замечания, что в 1545 году царь Иоанн Васильевич Грозный учредил Стрелецкое воинство и при праотце его был вызван из Болоньи знаменитый литейщик Аристотель, который лил пушки, колокола и был также известный архитектор, а после сего в 1607 году царь Иоанн Васильевич Шуйский старался усовершенствовать воинские постановления в России, и по его повелению начали переводить с немецкого и латинского языка на русский: **Устав ратных пушечных и других дел, касающихся до воинской науки.** Труд сей окончен при царе Михаиле Федоровиче в 1621 году и книга сия напечатана с рукописи, найденной в оружейной палате в Москве 1777 года».

Данные, приведенные Пушкиным, не только интересны, но и, будучи опубликованы впервые, предвосхищают монографии академиков и докторов военных и технических наук последующих поколений, статья Пушкина может служить образцом и развёрнутым планом для них.

Это **первое историческое исследование** 22-летнего Пушкина, напечатанное в «Невском зрителе», удивляет богатым содержанием и обилием исторических источников, которы-

ми он умело оперирует, при этом подчиняя свой труд формуле: в краткости поэта – сила поэта, одновременно подтверждая верную характеристику, данную ему Дельвигом: «Великий Пушкин – малое дитя. Доверчивость сочеталась в нем с ясностью и живостью критического ума». Действительно, многие, познакомившись с Пушкиным в начале 20-х годов, поражались двойственному впечатлению, которое он подчас производил: с одной стороны, уже признанный поэт, а с другой – ребячливый, любитель подшутить, заразительно смеющийся над удачным анекдотом, остроумной шуткой молодой человек.

Завершает свое первое историческое исследование он следующими словами:

«В России конная артиллерия была устроена прежде нежели у пруссаков, что служит доказательством письмо принца Генриха, который о сем упоминает. Вообще блистательные успехи в артиллерии после Людовика XVI принадлежат царствованию Фридриха Великого и последующим от времен Французской революции важным открытиям в физике, химии и вообще в математических науках, а также чрезвычайным военным происшествиям в Европе, кои с переворотами в политическом состоянии государств преобразовали ратное искусство, соединили скорость движения войск с действием огнестрельных орудий и отделили прежнюю систему войны от новейшей. Обстоятельства сии заслуживают особенное внимание и описаны во многих новейших сочинениях».

А. Пушкин

Таково второе прозаическое произведение молодого Пушкина, напечатанное в «Невском зрителе», и сразу возникает масса вопросов, касающихся не только границ его творчества, но и целого ряда других не менее важных проблем.

Пушкин хотел быть офицером

У многих читателей может возникнуть недоуменный вопрос: «Что заставило нашего поэта взяться писать труд по литью пушек, а затем еще и по истории артиллерии?» Ответ довольно прост. Хорошо известно, из признаний самого Пушкина, а также из подробных его биографий (тот же Анненков, Тыркова-Вильямс и др.), что после окончания лицея он намеревался стать офицером русской армии, недавней победительницы Наполеона. Благодаря «диссертации» мы даже можем уточнить – артиллерийским офицером!

Это было бы продолжением традиции Пушкиных, ибо дед поэта Лев Александрович Пушкин был артиллерийским подполковником, который был предан Петру III и во время дворцового переворота 1762 года отказался присягать Екатерине II, за что провёл в крепости целых два года.

Дядя поэта Василий Львович («парнасский отец»), знал об этом намерении и поначалу даже одобрял. Не случайно в первой редакции «Послания В.Л. Пушкину» он спрашивает разрешение стать военным:

*Скажи, парнасский мой отец,
Неужто верных муз любовник
Не может нежный быть певец
И вместе гвардии полковник?*

Не мог не знать о намерении молодого поэта надеть офицерские эполеты и герой войны 1812 года Ф.Н. Глинка, и прославленный генерал-гусар Д.В. Давыдов, которому посвящены стихи:

*Ты мне велишь открыться пред тобою,
Не знаемый дерзал я обожать...*

Или хорошо известное, написанное в 1821 году:

*Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов...*

Внимательное чтение журналов «Невского зрителя» и др. и последовательный анализ показывает, что публикация «диссертации» и «Истории артиллерии» выдаёт намерение друзей поэта обеспечить ему производство в офицеры, и в этом случае его блестящая проза служила прекрасной рекомендацией для этого!

Похоже, что и Денис Давыдов, и Федор Глинка, и Яков Толстой, также участник Отечественной войны, служивший в Главном штабе, приложили для этого немало усилий, уговорив издателя-карамзиниста В.В. Измайлова поместить **прозу** Пушкина у себя в журнале.

Тогда становится ясен смысл стихов, посланных Ф.Н. Глинке в 1822 году:

*Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм,
Без слез оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!..*

Посылая эти стихи брату Льву, он писал: «Покажи их Глинке, обними его за меня и скажи ему, что он всё-таки почтеннейший человек здешнего мира». В середине апреля 1820 года, будучи дружен с генерал-губернатором Петербур-

га графом М. А. Милорадовичем, он отговорил его от ссылки поэта в Сибирь.

Но, пожалуй, самое главное во всей этой истории с **прозой** было то, что находит новое объяснение факт **удаления** (май 1820 г.) юного поэта из столицы, куда он сможет вернуться лишь через много лет, а также и то, почему Александр Пушкин не стал офицером.

Следует сказать, что еще до написания «диссертации» Пушкин ухитрился изрядно себя скомпрометировать в глазах высшего света крамольными стихами и эпиграммами на сильных мирах сего, которые ходили по городу в списках.

Достаточно назвать эпиграммы на Аракчеева (1819 г.):

*Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он – друг и брат...*

И эпиграмму на архимандрита Фотия:

*Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут...*

К этому в 1821 году добавилась написанная в подражание антирелигиозным поэмам Вольтера («Орлеанская девственница») поэма Пушкина «Гаврилиада», из-за которой ему в 1828 году пришлось оправдываться перед царем.

Вот, пожалуй, главные причины, помешавшие Пушкину стать офицером, несмотря на ту исследовательскую работу, которую он проделал в архивах коллегии, арсеналах и на полигоне Волкова поля.

События, крайне неблагоприятные для поэта, развивались стремительно и неумолимо. Как отмечает М.А. Цявловский, разозленный эпиграммами граф Ф.И. Толстой-

американец, после разговора Пушкина с Милорадовичем, пустил по городу слух, что «мальчишка-Пушкин» в полиции был высечен, а 5 мая император Александр утвердил письмо графа И.А. Каподистрия, уже подписанное графом К.В. Нессельроде, о прикомандировании к канцелярии генерала Инзова Пушкина «сверх штата», как чиновника, с предписанием покинуть столицу незамедлительно, что Александр Пушкин и исполнил уже на второй день!

Друзья поэта, начиная с Жуковского, зная, в каком ужасном состоянии духа пребывает Пушкин (его терзала мысль о самоубийстве), незамедлительно решили оказать ему помощь в печатании его стихов и прозы в столичных журналах.

В вышедшей в Томском издательстве книге известного литературоведа В.А. Кошелева под названием «Первая книга Пушкина» на основе документов прослеживаются события в Петербурге в 1820 году вокруг произведений Пушкина и о хлопотах его друзей по части издания отдельной книгой «Руслана и Людмилы», но, увы, автор совершенно не касается произведений поэта, увидевших свет с 1821 по 1824 годы.

Кратко о самоотверженных усилиях Жуковского, Гнедича, Глинки и других друзьях можно сказать следующее.

5 мая 1820 года А. И. Тургенев, узнав от людей, близких ко двору, о предстоящем отъезде Пушкина из столицы, сообщает о том письменно Вяземскому: «Мы постараемся отобрать от него поэму («Руслан и Людмила». – Л.В.), прочитаем и предадим бессмертию, то есть тиснению». Хлопоты разгорелись «широким фронтом». Жуковский занялся цензором и гонораром. А.Н. Оленин, желая на деле показать свою любовь к таланту Пушкина, сам сочинял оформление гравюрами и сюжетами иллюстраций. Н.И. Гнедич вел деловые переговоры с издателем, во всем информируя Жуковского. Через 40

дней после отъезда Пушкина Оленин писал Гнедичу: «Пушкина поэма – **Finis!** (Эге, а ты и не подозревал?) и уже гравится!»

А через 80 дней в книжных лавках Оленина, Заикина и Глазунова стала продаваться изданная **отдельной книгой** «Руслан и Людмила» и очень быстро раскупалась читателями.

Пушкин не ожидал столь быстрого издания, прохождения через цензуру и типографский набор и опоздал выслать эпилог поэмы, который потом вышел отдельно в журналах.

Почти обо всех стихах, поэмах и сказках Пушкина, издававшихся в последующие годы, написано много и дан подробный комментарий специалистами. Но почему **никто** из литературоведов не заметил в журналах прозы поэта и выход **отдельной книгой** целого труда? Это остается прелюбопытнейшей загадкой!

Книга об истории европейских армий

Прошло довольно много времени, прежде чем в военном отделе Российской государственной библиотеки в Москве удалось обнаружить не упоминавшуюся в солидных трудах о Пушкине и никогда не переиздававшуюся книгу в 136 страниц под названием **«Краткие известия об образовании в Европе войск и об успехах огнестрельного искусства»**, изданную в 1824 году, в типографии Императорского воспитательного дома в С.-Петербурге.

Судя по всему, книга была издана небольшим тиражом (на прекрасной бумаге!) при поддержке военных друзей поэта. Книга сохранилась также благодаря военным, ибо судя по экслибрису оказалась в библиотеке Генерального штаба, где служил приятель Пушкина Яков Толстой (1791–1867), член «Зелёной лампы»:

Это весьма интересный и значительный труд молодого Пушкина, который предшествует «Истории Пугачёвского бунта» и «Материалам по истории Петра», написанным много позже.

При чтении книги сразу заметен превосходный пушкинский русский язык, которым он отличался еще в лицейские годы, с вкраплениями несколько устаревших слов (например «оные», «наипаче»), отточенностью фраз и емкими абзацами.

Наконец довольно скоро при чтении обнаруживаются те или иные положения, встречавшиеся в «Истории артиллерии», и фрагменты, дополненные и тщательно доработанные автором, в чем также виден характерный «пушкинский стиль», знакомый нам по его рукописям!

Это бесценная особенность и при текстологическом исследовании специалистами, в будущем несомненно, послужит дополнительным веским доказательством принадлежности сего труда Пушкину.

Мною была подмечена и другая особенность всей книги. В те времена наборщики в типографиях не были сильны в грамматике и допускали при наборе довольно много опечаток, которые в меру сил исправлял сам автор после чтения гранок. На страницах книги таких опечаток более 70. Более того – в книге нарушена пагинация (порядок нумерации страниц), что красноречиво говорит о том, что текст в отсутствие автора считывался второпях и друзья поэта спешили выпустить в свет его **вторую книгу!**

А теперь позвольте процитировать некоторые фрагменты книги и дать им посильный комментарий, начиная с первой весьма характерной страницы:

«Военное искусство, подобное другим отраслям наук и художеств, постепенно переходило из младенческого состо-

яния в более совершенное и с успехами обществ возрастало и упадало. Почему оно не везде и не всегда было в одинаковом совершенстве; и непостоянная слава оружия по очереди принадлежала различным народам? После удара, нанесенного римлянам вторжением варваров, вместо величественных Кесаревых легионов, предписывавших (другим народам. – Л.В.) законы Вселенной, явились на военном поприще толпы полунагих, отважных воинов, в беспорядке сражавшихся, с мечом и пламенником в руках низвергнувших обширную Римскую империю оружием, в течение нескольких столетий сряду воздвигнутую.

Свирепость и неустрашимость (варваров) заменяла правила битв, а всеобщее опустошение, попиравшее права общества и человечества, простиралось по следам их побед. Все отрасли просвещения на долгое время погружены были во мраке неизвестности; и хотя во времена Крестовых походов, наипаче при утвердившемся **феодализме** и защите свободных людей против власти сильных, были возобновлены прежние способы обороны: древний строй и искусство действовать метательными и стеноломными орудиями; но сии усилия и подвиги средних веков тем начали отличаться, чем (они) кончились в Греции и Риме: и военное искусство времен **Юлия Кесаря** почти до XVI столетия было в упадке, до тех пор, пока **огнестрельное оружие** не изменило всего образа войны...» Прервём на время пушкинский текст и попробуем сделать небольшой комментарий по ходу нашего исследования-розыска.

Читатели, которые внимательно и с интересом читали «Историю пугачёвского бунта» и «Историю Петра» (эта рукопись Пушкина была найдена лишь в 1917 году и затем опубликована), увидят много общего с этой новонайденной книгой об истории европейских армий и огнестрельного

оружия. Я имею в виду и характерный «пушкинский стиль», и лексику его языка, и кажущуюся простоту при обрисовке контура различных эпох при изобретении самого различного оружия.

Шаг за шагом описав особенности в устройстве различных европейских армий, Пушкин приступает к описанию Московского войска, его строению, вооружению («махины», «самострелы», «пищали», «тюфяки», «пушки», «дробовики», «фузеи», «самопалы» и прочее). Дает описание полков «кормового войска», запасных и караульных полков.

«Россия, имея частые битвы с поляками, заимствовались от них огнестрельным оружием, ибо по словам г. Маркевича (современник Пушкина, автор «Руководства к артиллерийскому искусству». – Л.В.), шведы после русских завели у себя артиллерию. Но успехи в оном были долгое время весьма медленны, потому что в XV и XVI столетиях ратное искусство в России вообще далеко от того состояния, до которого оно достигло в других государствах.

*Российское войско в сие время сходствовало с образованием земского ополчения. **Иоанн Первый** начал давать земли и поместья боярским детям, обязанным служить на войне и выставять несколько холопов, или наемников конных и пеших с оружием. Он принимал в службу литовских и немецких пленников волею и неволею и сии иноземцы жили за Москвою-рекою. По первому призыванию дворяне с войском выступали в поле; воины получали жалованье из казны и назывались **кормовым войском...***

*Из разрядных книг мы узнаем внутреннее состояние (строение) войска, которое разделялось на отделения и дружины, тысячи, сотни и десятки. **Большой полк** составлял главную силу, или центр армии; **передовой полк** соответствовал авангарду; **сторожевой**, или **запасный полк** –*

резерфу; **правой** и **левой** руки служили крылами или флангами; а **караульный полк** состоял из летучих отдельных отрядов или партизанов.

По окончании войны войска распускались; только стрельцы и земские войска оставались постоянно для содержания караулов и получали за то жалованье».

В этом месте книги Пушкин делает сноску и указывает, что эти материалы заимствованы из «Истории Российского Государства» Карамзина (том VII, стр. 197), недавно вышедшей в свет, и затем переходит к истории происхождения **казачества**: Сибирских, Яицких, Терских, Волжских, Черноморских, Оренбургских, Чугуевских и Бугских. Описывает казачьи станицы-республики, способ их управления, вече, суд и казнь на кругах, сообщает данные последней переписи и численности коренных казаков, поражая обилием всевозможных сведений о них.

Рассказывает Пушкин и об известном оружейном мастере Андрее Чохове.

Но Пушкин не был бы Пушкиным, если бы не вписал в свою «Историю» несколько литературных страниц! Он пишет:

«Для важного ратного предприятия выезжают на службу все поместные дети боярские со своими холопами и людьями даточными, более крестьянами, нежели воинами, хотя и красиво одетыми в чистые узкие кафтаны с длинными отложными воротниками.

Невозможно определить их числа, умножаемого в случае нужды людьями купеческими, а также наемниками и слугами государя московского, ногаями, черкесами, древними поддаными казанского царства. ...Ожидая хана, воеводы высылают казаков в степи, где изредка растут высокие дубы: там под каждым деревом видите двух оседланных лошадей; один из

всадников держит их за узду, а товарищ его сидит на вершине дуба и смотрит во все стороны; увидев пыль, слезает немедленно, садится на лошадь, скачет к другому дубу, крича издали, и показывает рукой, где видел пыль; страж сего дерева велит своему товарищу также скакать к третьему дереву с вестью, которая в несколько часов доходит до ближайшего города или до передового воеводы».

После этой красочной картины Пушкин приводит оценку тактики русских в XV–XVI веках, данную иноземными наблюдателями:

«Россияне лучше бьются в крепостях, нежели в поле, и эти наблюдатели спрашивают: «Чего со временем нельзя ожидать от войска бессметного, которое не боясь ни холода, ни голода, и ничего кроме гнева царского, с толокном и сухарями, без обоза и крова, с неодолимым терпением скитается в пустынях севера, в коем за славнейшее дело дается только маленькая золотая денъга с изображением Св. Георгия, носимая счастливым витязем на рукаве или шапке». Далее Пушкин дает оценку русской артиллерии, в том числе и Царь-пушке огромной величины и веса, а также тех орудий, которые находятся в наших арсеналах, и затем анализирует вклад ученых Европы в развитие артиллерии.

Книга Пушкина заканчивается выводами, которые он сделал еще в своей публикации 1821 года в «Невском зрителе», но добавляет к ним, что в его XIX век войска передвигаются *«огромными массами, превосходно вооружёнными и устроенными, при многочисленной и быстро движущейся артиллерии, не раздробленной на части, но с сильными батареями, метко поражающими неприятеля»...*

Эпилог

«Человек рождается всю жизнь», – сказал Сент-Экзюпери. Александр Пушкин также неукоснительно следовал этой аксиоме. Свою находку – 206 страниц неизвестного Пушкина я показал библиографам Российской государственной библиотеки в Москве и попросил их дать оценку. Оказалось, эта первая проза нашего поэта совершенно забыта и никогда не исследовалась. Выпала она и из поля зрения академика С.М. Бонди, готовившего академическое полное издание сочинений Пушкина в 1937 году. Неизвестна эта проза и последующим пушкинистам и литературоведам. Кроме того, мне сообщили, что специалистами в бумагах Пушкина найдены планы сочинений, которые он собирался написать после «Истории Петра», но так и не успел: «Историю цивилизаций», «Историю русской литературы» и большую статью «О русских песнях»... Великому национальному поэту был отпущен слишком короткий век.

Но, пожалуй, самое поразительное в этой истории с первой прозой молодого Пушкина то, что она странным, каким-то мистическим образом целиком посвящена **огнестрельному оружию** – тому, которым он и был убит на дуэли через 13 лет, на Чёрной речке у Каменного Моста 27 января 1837 года.

РОДНОЙ ЗЕМЛИ СПАСАЯ ЧЕСТЬ

*Открытое письмо Президенту Российской Федерации
В.В. Путину*

Уважаемый Владимир Владимирович!

Вот уже 8 лет в России ежегодно отмечается День русского языка 6 июня – в день рождения А.С. Пушкина. Инициатором этого прекрасного праздника выступили Коммунистическая партия Российской Федерации и Всероссийское созидательное движение «Русский Лад».

За минувшие годы «Русский Лад» оформился в крупную общественную организацию с разветвлённой инфраструктурой в регионах. В основе нашей деятельности – просвещение, пропаганда и защита русского языка и литературы, российской истории. Как, впрочем, и других традиционных национальных видов искусства.

Достаточно обернуться к 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева, который «Русский Лад» отметил в Колонном зале Дома союзов, чтобы понять, насколько масштабно и по-государственному работает наше Движение.

Не скроем: сегодня деятельность такого рода сопряжена не только с большими трудностями финансового характера, но и заметным противостоянием нашему Движению со стороны либерально-чиновничьего сообщества.

Беспрецедентна в большой степени по антикультурному наполнению отечественная информационная политика. Агрессивно по своей сути так называемое взаимодействие Министерства культуры с творческими союзами. Яркий пример тому – ущемление Союза писателей России, Международного сообщества писательских союзов и Литературного фонда России.

Список трагедий, связанных с традиционными культурными ценностями, огромен. Это тема для особого обращения к Президенту РФ, но вот только несколько фактов: опечатан Международный фонд славянской письменности и культуры – в связи с накопившимся долгом арендной платы. Уничтожаются Центр русского фольклора, Музей, посвящённый творчеству Н.К. Рериха. Выселяется Музей семьи Рерихов. По сообщениям отдела библиотек и архивов Департамента науки и образования Минкультуры РФ, число библиотек в России сокращается со скоростью тысяча библиотек в год. Основная доля потерь приходится на сельские библиотеки.

Какая бездна открывается здесь в связи с российским селом: исчезают почтовые отделения, медицинские пункты, клубы и библиотеки. Это ли не национальная трагедия?!

Прекращают своё существование толстые литературно-художественные журналы: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» и др. Остро нуждается в помощи любимейший в России, и особенно в русской провинции, журнал «Наш современник» – вот его-то и выписывали больше всего все сельские, районные и областные библиотеки.

Уже очевидны плачевные последствия реформирования традиционно русских театров – таких как театр им. Н.В. Гоголя.

Культурная ситуация, в которой на одной театральной сцене торжественно чествуются и награждаются в связи с 85-летием известная актриса и режиссёр, а с другой театральной сцены в это же время изгоняется другая выдающаяся актриса и режиссёр, слишком очевидно демонстрирует приоритеты власти. Это вызывает огромное смущение в среде трудовой и творческой интеллигенции Москвы и России. Это удручает общество, очевидно создавая и обостряя противостояние в нём.

Вот реальность, в которой, должны ориентироваться и формироваться школьник, студент, да и любой гражданин России.

«Все другие различия и противоположности, – говорил Осип Мандельштам, – бледнеют перед разделением ныне людей на друзей и врагов слова... Культурные ценности окрашивают государственность, сообщают ей цвет, форму и, если хотите, даже пол. Надписи на государственных зданиях, гробницах, воротах страхуют государство от разрушения временем». Нет сомнения в том, что введение в общественную и политическую жизнь новой России Дня русского языка – судьбоносное решение российской власти. Но, сказав «А», нужно проговаривать и все остальные буквы нашего мудрого и прекрасного алфавита.

Мы – прямые наследники Кирилла и Мефодия, наследники церковно-славянского языка, о котором академик В.В. Виноградов говорил, что этот язык «национализирован русской культурой и, будучи священным языком... постоянно обогащая, развивает народную речь». Между тем с удручением мы вынуждены констатировать, что народная речь современной России, как, впрочем, и наше гуманитарное образование, идёт вразрез с заветами русской классики.

В поэтическом мире А.С. Пушкина – по языку абсолютного современника двадцатому и двадцать первому векам, – чьё 220-летие мы будем отмечать в нынешнем году, не случайно так часто встречаются церковно-славянизмы, уже тогда звучащие как архаизмы. Но Пушкин оставил свои «виждь», и «внемли» в «Пророке», нарочито не пугаясь получить осуждение современников.

Именно он, Пушкин, назвал презрительным словом «французятина» всё то, что засоряло прозрачность и чистоту русской лексики. То, чем сегодня так изобилует наш совре-

менный язык — все эти *рейтинги, кастинги, креативы, месседжи и мейнстримы...* С той только разницей, что сегодня это может называться америконизятиной.

Справедлива, на наш взгляд, откровенно гневная оценка языковой ситуации филолога, профессора В.Ю. Троицкого: «Стало реальностью бесконтрольное и цинично-наглое продвижение английского языка в условиях колониального угнетения русского, государственного языка».

Засорённая речевая атмосфера сказывается и уже сказалась на общем кругозоре, если не сказать больше – на общем умственном и нравственном развитии нескольких поколений наших детей. Безграмотность и бедность речи учеников и учителей – печальная мета, позорное тавро нашего времени. Расчеловечивание постперестроечного российского общества началось с оскорбления русского языка.

*Ещё предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевести...*

– пишет Пушкин в «Евгении Онегине», переводя письмо своей горячо любимой героини с французского. Вот это и есть борьба за честь России!

В борьбе за честь нашей с Вами Родины, уважаемый Владимир Владимирович, и был учреждён праздник русского языка в день рождения «солнца русской поэзии». Но уже сегодня мы хотели бы, мы настаиваем, чтобы этот день стал национальным праздником России – как День Победы, Рождество и Пасха... Он должен стать красным днем календаря. Он заслужил это – наш великий, могучий, правдивый, по выражению Тургенева, русский язык. Заслужил, как наши Армия и Флот! Как Гимн России! На нём – великом и могу-

чем – написаны вослед пушкинским «Клеветникам России» лермонтовское «Бородино» и толстовские «Севастопольские рассказы», гоголевский «Тарас Бульба» и блоковские «Скифы», «Стихи о советском паспорте» Маяковского, «Василий Тёркин» Твардовского и симоновское «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...».

Вот почему, вопреки опровержению господина Шнурова, Пушкин для нас по-прежнему «наше всё»!

Мы абсолютно уверены, уважаемый Владимир Владимирович, что и для Вас – тоже!

День русского языка должен стать праздником русской и российской деревни, ведь именно она – его колыбель. А самим именем нашего Движения мы обязаны великому русскому писателю, вологжанину В.И. Белову и его бессмертной книге «Лад».

Этот день должен стать праздником русских школ, всех учителей-славистов. Праздником русской провинции, трудную судьбу которой разделяет сегодня наш язык. Праздником всего Русского мира. Наконец, он должен стать праздником нашего телевидения, чтобы помочь ему избавиться от скудословия и безграмотности, от чужеродных интонаций и диалектов. «Прежде всего, – утверждает выдающаяся лингвист и патриотка Г.А. Богатова-Трубачёва, – агрессия ведётся именно через язык. Ибо язык – это не просто средство общения, но философия и психология народа... это панорама национального умоначертания... это оружие в схватке с врагом... Самый глубинный держащий корень всякого народа есть его родной язык».

Уважаемый Владимир Владимирович! Накануне профессионального праздника работников культуры в Государственной думе РФ были собраны представители отрасли из 42-х регионов России. К нашему глубокому сожалению,

представители «Русского Лада» не были приглашены для обсуждения важнейшего вопроса – федерального закона «О культуре. В составе Президентского совета по культуре также не представлено наше, подчёркиваем, созидательное Движение.

С полным одобрением мы восприняли точку зрения советника Президента РФ по культуре В.И. Толстого о необходимости придания отношениям в сфере культуры особого специфического статуса в связи с трансформацией отечественной культуры в коммерческий продукт. Хотелось бы только надеяться, что при решении этой выстраданной десятилетиями проблемы будут приниматься мнения не только господ Швыдкого и Шнурова, но и представителей традиционной национальной культуры.

С надеждой восприняли мы и создание Общества российской словесности, которое возглавил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Мы готовы к тесному сотрудничеству с Обществом в стремлении отстаивать интересы родного языка, литературы, культуры.

Ярким раздражителем выступают сегодня российские средства массовой информации. Достаточно обратиться к назойливой рекламе, а она не даёт буквально продохнуть нашему зрителю. Практически вся телевизионная реклама сегодня звучит в стихотворной форме. Нет, это стихи не о национальных героях и не о русской природе. Это стишки о дезодорантах, прокладках и шинах – самые худшие образчики стихосложения. Самые ядовитые добавки, разрушающие эстетический вкус нации.

То же самое происходит и с музыкальным наполнением нашего эфира. Несколько поколений российских детей отучены, отчуждены от нашего уникального мелоса – с его неповторимым ритмом, свойственным именно нашей музыке,

поэзии и прозе. Наша музыка – словоцентрична. Не прикоснуться к этой разгадке её тайны – значит навсегда порвать родственные связи со своей культурой.

Недавно, не без удивления, узнали мы о перспективе поддержки если не сомнительного, то уж во всяком случае весьма низкохудожественного эстрадного явления под неблагозвучным названием «рэп». Мы могли бы снисходительно взглянуть на повышение статуса рэпа, если бы с основными жанровыми проблемами у нас в стране было всё в порядке.

Но знаете ли Вы, уважаемый Президент, что наши дети не хотят более учиться игре на балалайке, мотивируя это тем, что на балалайке играют только Шариковы? Сегодня уже обозначились проблемы недобора в музыкальных институтах и колледжах на отделения народных инструментов.

Это новый этап «французятины», который когда-то так щедро высмеяли Тургенев и Островский. А вот Иван Алексеевич Бунин с глубочайшим трагизмом отразил это явление в стихах: «Они глумятся над тобою... о Родина... Так сын, спокойный и нахальный, стыдится матери своей – усталой, робкой и печальной средь городских его друзей...»

У нас уже тысячи таких «сыновей» – продвинутых, жестоких и предприимчивых. Не ведающих, что балалайка – это душа России, а баян, как сказал выдающийся филолог Сергей Небольсин, вместе с танками и артиллерией победил в Великой Отечественной войне.

Совершим ли мы с этой бездушной и бездуховной генерацией тот самый чаятельный «прорыв», на который уповаем вместе с Вами, Владимир Владимирович?!

Несколько поколений советских людей, живших в удалённых от столицы Родины городах и посёлках, воспитывались на литературных, музыкальных и театральных программах советского радио, а затем и телевидения. Там звучала

русская, зарубежная и советская музыкальная классика. Там уважительно звучало русское слово. А такие передачи, как «Театр у микрофона», были блистательной школой русского языка. Сегодня и живой театр, и театр у микрофона изобилуют празднословием и грязнословием, обеднённой до неузнаваемости якобы русской речью. Мы не хотим и никогда не сможем мириться с таким положением вещей!

Выдающийся русский историк В.О. Ключевский оставил нам одно из оптимистических завещаний: «Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пройдёт урочный час – он соберёт свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорожку».

Мы свято верим в это предначертание. Искренне хочется верить, по и Вы – тоже, уважаемый Владимир Владимирович!

Письмо подписали члены Высшего совета ООД «Всероссийское созидательное движение «Русский Лад»: председатель Высшего совета ВСД «Русский Лад» – руководитель фракции КПрФ в Государственной думе, Председатель ЦК КПрФ, доктор философских наук **Г.А. Зюганов**; председатель Координационного совета ВСД «Русский Лад», академик Петровской академии наук и искусств, кандидат экономических наук **В.С. Никитин**; заместитель председателя Высшего совета ВСД «Русский Лад», советник Председателя ЦК КПрФ, сопредседатель правления Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ

Л.Г. Баранова-Гонченко; советник Института языкознания РАН, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН **В.М. Алпатов;** научный руководитель Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, доктор геолого-минералогических наук, профессор, академик РАН, лауреат Государственной премии РФ **Э.М. Галимов;** народная артистка РФ, певица **Н.Е. Крыгина;** писатель, сопредседатель Союза писателей России **В.Н. Крупин;** поэт, публицист, главный редактор журнала «Наш современник», лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького **С.Ю. Куняев;** советский и российский актёр театра и кино, народный артист РФ **Ю.В. Назаров;** заместитель Председателя ЦК КПРФ, депутат Государственной думы **Д.Г. Новиков;** народный артист РФ, певец **В.П. Овсянников;** генерал-лейтенант в отставке, ветеран боевых действий, житель блокадного Ленинграда **Б.В. Тарасов;** профессор Литературного института им. А.М. Горького, заслуженный деятель науки РФ **В.Ю. Троицкий.**

Содержание

<i>Е. Семичев.</i> «Памятник Пушкину – Русский Народ...»	3
<i>А. Платонов.</i> Из статьи «Пушкин – наш товарищ»	4
<i>Г.А. Зюганов.</i> Из книги «Подвиг социализма»: Величие сталинских пятилеток	5
Права, гарантированные социализмом	9
<i>В.С. Никитин.</i> Из книги «Русофобия и русскомыслие в судьбе России»	12

ВЕНОК ПУШКИНУ

<i>В. Жуковский</i>	13
<i>Н. Языков.</i> К няне А.С. Пушкина.....	14
<i>А. Одоевский.</i> «Струн вещей пламенные звуки...»	15
<i>Н. Гоголь</i>	16
<i>П. Вяземский.</i> На память	18
<i>А. Кольцов.</i> Лес (посвящено памяти А.С. Пушкина)	20
<i>М. Лермонтов.</i> Смерть поэта	24
<i>Н. Полевой</i>	27
<i>Ф. Тютчев.</i> 29-е января 1837.....	28
<i>П. Вяземский.</i> «Поэтической дружины...»	29
<i>Н. Некрасов.</i> «Ну, а много видал сочинителей?..».....	34
<i>Ф. Достоевский</i>	35
<i>И. Гончаров</i>	37
<i>А. Голенищев-Кутузов.</i> 26 мая 1880 года.....	38
<i>А. Островский</i>	41
<i>А. Плещеев.</i> Памяти Пушкина.....	43
<i>В. Соллогуб.</i> На памятник Пушкину	45
<i>И. Тургенев</i>	46
<i>А. Фет.</i> К памятнику Пушкина	47
<i>А. Майков.</i> Перечитывая Пушкина	48
<i>И. Бунин.</i> Подражание Пушкину.....	49
<i>Г. Тукай.</i> Пушкину.....	50
<i>А. Ахматова.</i> «Смутный отрок бродил по аллеям...».....	51
<i>М. Горький</i>	52
<i>А. Блок.</i> Пушкинскому Дому (Послание в альбом).....	53

<i>М. Кузмин. Пушкин</i>	55
<i>А. Луначарский</i>	57
<i>С. Есенин. Пушкину</i>	58
<i>В. Маяковский. Юбилейное</i>	59
<i>А. Шогенцуков. Пушкин</i>	71
<i>Т. Гуттари. Дуэль Пушкина</i>	73
<i>А. Платонов</i>	76
<i>М. Рылский. Зарницами слова его горят</i>	77
<i>С. Стальский. Певец великого народа</i>	78
<i>А. Твардовский. К портрету Пушкина</i>	79
<i>Ал. Платонов. Пушкину</i>	80
<i>Ц. Теучеж. Пушкин</i>	81
<i>Ю. Инге. Чёрная речка</i>	82
<i>В. Инбер. Пушкин жив</i>	83
<i>И. Уткин. Михайловское</i>	84
<i>С. Гудзенко. «После марша и ночной атаки...»</i>	86
<i>Г. Шенгели. Встреча</i>	87
<i>М. Исаковский</i>	89
<i>Я. Колас</i>	90
<i>С. Маршак. Венок</i>	91
<i>М. Светлов. Сон</i>	92
<i>А. Твардовский</i>	93
<i>Ж. Тумунов. У памятника Пушкину</i>	94
<i>Г. Цадаса. Пушкину (К 150-летию со дня рождения)</i>	97
<i>М. Пришвин. Памятник Пушкину</i>	100
<i>В. Кулёмин. Над стихами Пушкина</i>	101
<i>А. Прокофьев. Корчма на литовской границе</i>	102
<i>Я. Смеляков. Калмык</i>	104
<i>П. Палиевский. Пушкин в движении европейского сознания</i>	106
<i>Л. Вяткин. 206 страниц неизвестного Пушкина:</i>	
Диссертация молодого поэта.....	117
Пушкин хотел быть офицером.....	130
Книга об истории европейских армий.....	134
Открытое письмо Президенту РФ Путину В.В.	
Родной земли – спасая честь.....	141

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ – РУССКИЙ НАРОД

Составитель **БАРАНОВА** Лариса Георгиевна

Обложка *Е.А. Мужаревская*
Компьютерная вёрстка *С.В. Лазаренкова*
Корректор *Л.Н. Дивина*

Подписано в печать: 21.05.2019 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro. Усл. п. л. 9,5.
Тираж 2000 экз. Заказ № 534.
Отпечатано в ООО-фирма «Псковское возрождение». ИНН 6027024264.
180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.